

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

**Симон М.Е., Малахов В.С., Летняков Д.Э.,
Мотин А.С.**

**Механизмы предотвращения межэтнической
напряженности в условиях миграционного прироста
населения**

Москва 2018

Аннотация. Настоящее исследование сфокусировано на контекстной верификации теории этнокультурной справедливости, сформировавшейся в рамках процедурного либерального плюрализма, – ее апробации на конкретных примерах Северной Америки, Западной и Восточной Европы, а также России. Указанная теория базируется на возможности совмещения индивидуальных прав с коллективными правами меньшинств. При таком подходе межэтнические отношения рассматриваются, в первую очередь, как феномен публичной сферы, в рамках которой те или иные группы требуют от государства признания их права на идентичность. От наличия подобного признания зависит набор прав и институциональных возможностей, которыми располагает то или иное сообщество. Авторы рассматривают государство в качестве центрального субъекта межэтнических отношений, опосредующего взаимодействие между теми или иными этнокультурными объединениями. Государство – единственный актер, обладающий легитимным правом фреймировать те или иные взаимодействия как «межэтнические», а, следовательно, в его отсутствие мы имеем дело с частными явлениями. Изучая различные примеры, авторы исследуют механизмы предоставления прав автохтонным (национальным) и аллохтонным (иммигрантским) сообществам, их адаптацию к доминирующей социетальной культуре. Особое внимание уделяется процессам интеграции второго поколения иммигрантов – как потенциально наиболее уязвимой с точки зрения потенциальной радикализации группе населения. В работе демонстрируется первостепенная значимость образовательных механизмов в деле интеграции и адаптации мигрантов. Помимо этого, авторы показывают, что проблематика защиты прав меньшинств вышла за пределы компетенции отдельно взятых государств. В исследовании выявляется роль международных организаций, в том числе, МНПО в указанной сфере. Наконец, авторы обнаруживают отличительные черты восточноевропейских обществ в контексте проявлений ксенофобии, что в известном смысле затрудняет применение подходов Уила Кимлики и других представителей либерального эгалитаризма. Тем не менее часть положений теории Кимлики представляется релевантной российскому контексту в связи с выработкой политики интеграции иммигрантов.

Ключевые слова: межэтнические отношения, предотвращение конфликтов, мультикультурализм, национальная политика, миграция, мигранты второго поколения, социальная интеграция.

Summary. This study focuses on the contextual verification of the theory of ethno-cultural justice, formed in the framework of procedural liberal pluralism - its testing on specific examples of North America, Western and Eastern Europe, and Russia. This theory is based on the possibility of combining individual rights with collective rights of minorities. With this approach, interethnic relations are considered, first of all, as a phenomenon of the public sphere, within which certain groups demand from the state to recognize their right to identity. The set of rights and institutional capacities which certain communities dispose directly depends from such a recognition. The authors consider the state as the central player in interethnic relations, while it mediates the interaction between different ethno-cultural associations. The state is the only actor that has the legitimate right to frame certain interactions as "interethnic". In the absence of the state we are dealing with private phenomena. Studying various cases, the authors explore the mechanisms for granting rights to autochthonous (national) and allochthonous (immigrant) communities, their adaptation to the dominant societal culture. Particular attention is paid to the integration of the second generation of immigrants - as potentially the most vulnerable group (from the point of view of potential radicalization). The study demonstrates the paramount importance of educational mechanisms in the processes of integration and adaptation of migrants. In addition, the authors claim that the problem of protecting the rights of minorities goes far beyond the competence of individual countries. The study identifies the role of international organizations, including INGOs in this area. Finally, the authors reveal the distinctive features of Eastern European societies in the context of xenophobic manifestations, which in a way makes it difficult to apply the approaches

of Will Kymlicka and other representatives of liberal egalitarianism. Nevertheless, some of the provisions of Kymlicka's theory seem to be relevant to the Russian context in connection with the development of a policy of the integration of immigrants.

Симон М.Е. ведущий научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Малахов В.С., доктор политических наук, профессор, директор Центра теоретической и прикладной политологии ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Летняков Д.Э. научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Мотин А.С. стажер Центра теоретической и прикладной политологии ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2017 год

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
1. Межэтнические отношения как проблема политической теории.....	11
1.1. Способы концептуализации этнической принадлежности и этнических конфликтов...11	
1.2. Либеральный мультикультурализм как набор принципов государственной политики в отношении аккомодации этнокультурных различий.....	14
2. Межэтнические отношения как объект государственного управления.....	19
2.1. Великобритания: межэтнические взаимодействия в оптике межрасовых отношений..21	
2.2. Специфика восточноевропейских стран: проблема борьбы с ксенофобией.....	25
3. Механизмы обеспечения бесконфликтного общежития: опыт иммиграционных стран..31	
3.1. Причины городских бунтов XXI века в Европе и меры противодействия.....	31
3.1.1. Французские события осени 2005 года.....	32
3.1.2. Стокгольм 2013.....	35
3.1.3. Лондон 2011.....	39
3.2. Механизмы интеграции иммигрантов второго поколения.....	40
3.2.1. Канада как страна-первопроходец в области мультикультурной иммиграционной политики.....	40
3.2.2. Случай Соединенных Штатов.....	43
3.2.3. Случай Германии: на примере выходцев из турецких и югославских семей.....	48
4. Международные механизмы защиты прав меньшинств.....	55
Заключение.....	59
Список использованных источников.....	72
Приложение.....	77

Введение

Обеспечение бесконфликтного сосуществования социальных групп, для которых «этничность» служит ключевым маркером культурной и политической идентификации – одна из злободневных задач в повестке дня большинства современных государств. Успешная работа институтов, способствующих продуктивному диалогу между государством и этническими сообществами, с одной стороны, и между самими этими сообществами – с другой, позволяет нивелировать наиболее острые для национальной безопасности вызовы. В случае с автохтонными меньшинствами к числу таких вызовов относится опасность роста изоляционистских настроений – вплоть до стремления к сецессии. Если же принять во внимание усиливающееся этническое многообразие в миграционном притоке, за счет которого обеспечивается прирост населения в большинстве индустриально развитых государств, то здесь речь идет о нахождении оптимальных моделей гражданской интеграции новоприбывших. В особенности это касается так называемого «второго поколения» мигрантов, этническая и религиозная идентичность которых нередко приобретает радикальные формы. Россия в меру имманентного ей этнического и конфессионального разнообразия имеет особый опыт организации совместного общежития отличных друг от друга в этническом и культурном отношении сообществ. Вместе с тем в настоящее время наша страна сталкивается с необходимостью привлечения иммигрантов на долгосрочной основе для обеспечения прироста населения. В современной России обнаруживается известный вакуум концептуальных подходов к проблеме управления этнокультурным разнообразием в условиях миграционного прироста населения, которые базировались бы на когерентном наборе принципов. В связи с этим, критически важным становится осмысление теории этнокультурной справедливости, поскольку последняя претендует на то, чтобы создать устойчивые основы для предотвращения межэтнической напряженности в иммиграционных странах. Сформировавшиеся в западных странах концептуальные подходы должны быть проверены на предмет соответствия реалиям нашей страны.

В 2002 году знаменитый канадский философ, один из ключевых теоретиков мультикультурализма написал программный текст «Западная политическая теория и этнические отношения в Восточной Европе», в котором он проблематизировал применимость своей теории этнокультурной справедливости к странам бывшего соцлагеря и, в частности, к России [1]. Несмотря на многочисленные оговорки относительно разности исторических и социокультурных и исторических контекстов, в которых этнические

меньшинства существуют на Западе (в первую очередь, в классических иммиграционных странах) и в Восточной Европе, Кимлика тем не менее полагал, что ключевые положения его теории могут и должны лечь в основу национальных политик восточноевропейских государств. Эти положения заключаются, в первую очередь, в различении двух основных видов меньшинств – национальных (автохтонных народов) и этнокультурных (иммигрантских сообществ). Согласно Кимлике, эти группы имеют разные ожидания и притязания и, соответственно, государство должно проводить в их отношении разную политику. Так, если автохтонные меньшинства могут притязать на известную степень политической и культурной автономии, то с иммигрантскими сообществами ситуация обстоит иначе. Делая сознательный выбор в пользу переселения в другую страну, иммигранты тем самым, по мысли Кимлики, заведомо соглашаются на интеграцию в социальную культуру «большинства» населения принимающей их страны, однако государство должно предпринять меры для того, чтобы способствовать такого рода интеграции. Для этого, как полагает Кимлика, иммигрантам должны быть предоставлены определенные этнокультурные права – в сфере образования (учебные программы должны учитывать факт этнокультурного многообразия, а также вклад иммигрантов в развитие принимающей страны), в системе общественных институтов (в данном случае речь идет о возможности репрезентации этнокультурной инакости в публичной сфере, например, в системе государственной службы), а также в политической системе (различные формы политического представительства интересов этнокультурных групп без предоставления им автономии).

Кимлика предложил ученым, занимающимся проблематикой межэтнических отношений в Восточной Европе, соотнестись с его тезисами, в результате чего появился сборник «Можно ли экспортировать либерализм?», две статьи в котором (Александра Осипова [2] и Магды Опальски [3]) посвящены российской проблематике. Забегая вперед можно сказать, что оба автора сошлись во мнении о том, что концепция Кимлики фактически неприменима в российских условиях по следующим причинам: (а) в России, в отличие от классических иммиграционных государств формирование этнокультурных меньшинств имело несколько иной характер и, соответственно, различие на национальные и этнокультурные группы плохо «схватывает» эти феномены; (б) российская политическая система явно отличается от западных либеральных демократий – по мысли Александра Осипова, в ближайшие годы предстоит сначала разобраться с обеспечением прав индивидов, а уже затем можно будет инициировать разговор о групповых правах [2: 179]; (в) характер иммиграционного притока в Россию сложно сравнивать с тем, что

наблюдается в классических иммиграционных странах – в российском случае пять шестых в нем составляют граждане бывших советских республик, многие из которых претендуют на признание в качестве «соотечественников», да и вряд ли можно с уверенностью говорить о сознательном выборе, учитывая тот факт, что в первой половине 1990-х годов многие люди были вынуждены покинуть новообразовавшиеся государства из-за усиления в них межэтнической напряженности.

Несмотря на то, что критика применимости идей Кимлики к российскому контексту представляется весьма убедительной, некоторые пункты предложенной им повестки представляются важными для переосмысления. Так, с момента выхода указанного сборника прошло 15 лет и характер миграции в нашей стране несколько изменился. Во-первых, из вынужденной она фактически полностью трансформировалась в трудовую – то есть, в добровольную, а, значит, можно говорить о сознательности выбора. Во-вторых, в миграционные процессы сейчас вовлечены молодые люди, для которых наличие национальных границ между бывшими республиками СССР является само собой разумеющимся фактом. На основании различия между разными типами меньшинств, Кимлика выделял два вида государств, находящихся перед «вызовом» этнокультурного разнообразия – мультинациональные (те, где преобладают автохтонные меньшинства) и полиэтнические (те, где основным источником претензий на публичное признание выступают иммигрантские сообщества). Несмотря на спорность данной классификации, в настоящее время можно с уверенностью утверждать, что Россия подпадает под обе категории даже в большей степени, чем Канада, Австралия или иммиграционные страны Европы (будь то Великобритания, Швейцария, Бельгия или Австрия). Таким образом, проблематика аккомодации культурных различий в условиях демографической зависимости от миграционного притока (предполагающая выработку соответствующих мер национальной политики) представляется более чем релевантной современному российскому контексту.

Российская Федерация является правопреемником СССР, и соответственно основы ее национальной политики в значительной степени детерминированы советским наследием. Как СССР, так и Россия представляют собой государства с мультинациональными и политэтническими образованиями, однако для современной России более актуален вызов движения в сторону ассимиляционистской политики, о чем, в частности, свидетельствуют программные заявления отдельных представителей как думских политических партий, так и внесистемной оппозиции. Если мультиэтнический режим – это такой режим, при котором государство предоставляет гражданство представителям этнических групп и посредством

права и правовых институтов поддерживает этническое разнообразие среди своих граждан, то ассимиляционизм предполагает, что государство предоставляет гражданство представителям этнических групп, но не признает их право на этническое разнообразие в публичном поле. Советский подход был основан на признании этнического разнообразия посредством таких мер, как территориальные автономии, предоставленные «титულным» этническим группам (национальностей); признание нескольких официальных языков; образование на языке титульных национальностей; политика положительной дискриминации в сфере занятости и отражение национальной принадлежности в паспортах граждан. Многие политические права были связаны с этническими различиями, и территориально- этническое деление было нормой. Но советская многонациональная модель, при которой большая часть членов этнической группы населяет определенную территорию, где они имеют национальную автономию, могла существовать только при отсутствии массовой миграции. Именно массовая миграция, с которой Россия столкнулась в последние два десятилетия, в сочетании с сознательным отказом от акцентирования этнической принадлежности в государственной политике подорвали эту модель.

Укрепит ли массовая иммиграция государство или будет угрожает его многонациональности зависит от государственной иммиграционной политики и от этнического и языкового состава иммигрантов. В случае России, русскоговорящие иммигранты, не относящиеся себя к существующим крупным этническим группам, могут восприниматься элитами национальных автономий как угроза. Так, по данным исследования Михаила Алексева, уровень анти-иммигрантских настроения среди жителей национальных республик РФ даже выше, чем у остального населения нашей страны [4].

Однако отличие положения мигрантских сообществ от коренных народов вполне очевидно: мигранты, которые не относят себя к «этническим русским», в большинстве своем проживают в крупных городах, в основной в Москве и Санкт-Петербурге, и не имеют никаких претензий на территориальную автономию. В настоящее время иммигранты не имеют никаких политических прав, которыми пользуются представители коренных народов и этнических меньшинств в своих автономных республиках (обучение не родном языке, политика положительных мер).

На территории Российской Федерации проживает большое количество представителей разных этносов и коренных народов, многие представители которых сталкиваются с определенными проблемами. При этом существующие на данный момент законы, регулирующие права этнокультурных характеризуются тем, что в них превалируют

весьма расплывчатые формулировки, что не позволяет представителям этнических меньшинств и коренным народам защищать свои права в соответствии с международными стандартами. Многие законы содержат множество противоречивых поправок, которые усложняют их правоприменение. Кроме того, существует известная степень недоверия между организациями гражданского общества, отстаивающими права этнокультурных меньшинств, и государством.

В настоящее время озабоченность противоречивостью национальной политики, а также отсутствием в ней релевантного современным вызовам инструментария, стало предметом озабоченности со стороны государства. 31 октября 2016 года на заседании Совета по межнациональным отношениям, проходившего в Астрахани заведующим кафедрой РАНХиГС Вячеславом Михайловым было выдвинуто предложение о создании нового юридического документа – закона о российской нации. Данное предложение поддержал президент России Владимир Путин, дав соответствующее поручение о разработке закона [5].

Однако на стадии обсуждения закона стали вполне очевидными затруднения, связанные с уточнением формулировки «многонациональный народ». Часть участвовавших в этом обсуждении экспертов склонялось к этнической трактовке, часть к гражданско-политической, однако были и те, кто полагал, что наиболее безопасным вариантом будет сохранение существующего статус-кво.

Теперь нам стоит обратиться к экспертной оценке и мнениям о возможных последствиях и проблемах в составлении данного законодательного акта. Эксперт Центра этнополитических исследований РАН Валерий Степанов отметил, что «управлять» межнациональными отношениями невозможно – это слишком широкое понятие, охватывающее все стороны жизни, но при этом их можно регулировать» [6]. Другой точки зрения придерживается директор Института изучения проблем национальной политики и межнациональных отношений Валерий Энгель. Он полагает, что ситуация в межнациональных отношениях меняется быстро, поэтому вряд ли удастся их регулировать отдельным законом. Энгель предложил модернизировать стратегию госнацполитики и определить, в «рамках какой модели складывается российская нация» [6]. Нейтральную позицию по вопросу необходимости данного документа занял руководитель Центра политико-географических исследований Николай Петров, заявивший о том, что у этого законопроекта есть как экономические (возрастание сепаратистских настроений в результате сокращения финансирования регионов), так и политические (попытка позиционирования грядущей российской нации сродни феномену советского народа)

причины. Однако, по мнению Петрова, предложение по разработке законодательного акта не имеет никакого наполнения и не может быть успешно реализовано. Более того Петров уверен в том, что этот закон так и не будет написан [7].

Как бы то ни было, в настоящей работе мы попытаемся разобраться в вопросе о том, может ли национальная политика в условиях миграционного притока быть выстроена в соответствии со строгой последовательностью ключевых принципов – то есть в проактивной форме, или же она функционирует более эффективным образом в модусе ad hoc – то есть в реактивной манере, когда каждая ситуация, вызывающая риск межэтнической напряженности требует от государства особого контекстуально чувствительного подхода.

1 Межэтнические отношения как проблема политической теории

1.1 Способы концептуализации этнической принадлежности и этнических конфликтов

Прежде, чем рассматривать то, как межэтнические отношения осмысляются в рамках тех или иных политических теорий, следует определиться с подходами к пониманию «этнической принадлежности». Различные парадигмы в социальной науке дают разные ответы на вопрос о том, что такое «этническая группа». Несмотря на то, что в повседневной жизни определение этнических групп не вызывает существенных сложностей, научный взгляд далек в этом отношении от обывательского. Научное определение оказывается куда более проблематичным, поскольку существуют по крайней мере два противоположных подхода к концептуализации «этничности». Согласно эссенциалистскому, или примордиалистскому, пониманию этнической принадлежности, идентичность этнических групп неизменна с течением времени и является порождением объективных различий, которые выражаются в таких идентификационных маркерах, как клан, сообщество, вера (религия), язык, региональное происхождение, раса, племя и т.п. [8: 849). В отличие от эссенциалистов, конструктивисты полагают, что этническая идентичность может меняться со временем, и в конце концов она является результатом самоописания и/или приписывания идентичности другими (9; 8: 851-853). Исходя из этой концепции, этничность является социально сконструированным феноменом. Это, впрочем, не означает, что этническая идентичность меняется ежедневно или произвольно, что она полностью независима от упомянутых маркеров идентичности, хотя их число и значение могут варьироваться от случая к случаю.

Во многих исследованиях, посвященных межэтнической и напряженности и конфликтам нередко предпринимается попытка использовать комбинированную концепцию этнической принадлежности, однако конструктивистские идеи явно превалируют над примордиалистскими (см. 9; 10). Такое понимание предполагает, что этническая принадлежность и этническая идентичность вытекают из понятия общего происхождения и связаны с комбинацией нескольких переменных -- идентификационных маркеров, таких как язык, религия и внешний вид. Однако, хотя и относительно стабильная с течением времени, этническая идентичность, в конечном счете, возникает в следствие определенного способа самоописания и/или внешней идентификации (предписывания определенных категория властными инстанциями) [11] и, следовательно, может быть подвержена изменениям.

Что касается межэтнической напряженности, то для начала попытаемся определить, что такое «этнический конфликт». Это понятие трактуется достаточно широко: под «этническим конфликтом», как правило подразумевают любое столкновение, в которое вовлечены по меньшей мере две этнические группы при том условии, что противоборствующие фракции трактуют причины конфликта в терминах этнической несовместимости, оперируя соответствующими историческими нарративами и идеологическими установками, а предметом оспаривания являются те или иные материальные и символические ресурсы и/или способ участия в институтах власти. Такой конфликт может быть как открытым, сопровождающимся применением насилия, так и латентным – относительно мирным. Вопреки широко распространенному мнению о том, что этническое разнообразие само по себе является потенциальной причиной конфликтности, Роджерс Брубейкер в своих исследованиях показывает, что зачастую этническое насилие является не чем иным, как эпифеноменом экономических, социальных и политических процессов [11]. Особую роль в эскалации таких конфликтов играют «предприниматели на ниве этничности» -- властные агенты, стремящиеся говорить от лица интересов той или иной группы с целью аккумуляции ресурсов в своих руках. Политические стратегии этих агентов строятся на усилении «положительной» внутригрупповой идентичности за счет манипуляций, призванных усилить негативное восприятие внешних групп. Форсирование внутригрупповых сходств и межгрупповых различий в этнических терминах является базовым условием эскалации конфликта, так как представление об «инакости» репрезентируется в такого рода стратегиях как неизбежная, непреодолимая данность. Особенно эффективно такие стратегии работают в условиях экономической нестабильности, когда люди склонны искать в этнической идентичности своего рода прибежище (12: 15-18; 13]. Описание различий в этнических категориях позволяет «перекодировать» существование глубинного социально-экономического неравенства в том или ином обществе [14]. Как мы можем убедиться, этническая идентичность -- это ресурс, который лидеры могут использовать в целях политической мобилизации.

Дональд Хоровиц был одним из основоположников исследований так называемой этнической поляризации как осознанной политической стратегии, которая и приводила к конфликту в большинстве случаев [9]. По мнению Хоровица, поляризация зачастую имеет место в тех обществах, где существует несколько относительно крупных в численном отношении групп, баланс между которыми достаточно симметричен. Забегая вперед, из этого можно сделать вывод, что наличие малочисленных коренных народов или

иммигрантских сообществах вряд ли можно рассматривать как угрозу дестабилизации государства в политическом отношении. Следует отметить, что ни один из подходов к исследованию этнических конфликтов (как количественные, так и качественные) не дает надежных прогностических результатов. Однако в современных исследованиях существует консенсус относительно того факта, установление корреляции между этническим разнообразием как таковым и рисками гражданской войны или других форм организованного насилия некорректно.

Современные исследователи уделяют много внимание вопросу о том, как может выглядеть институциональная инженерия, способная нивелировать потенциальные конфликты. В широком смысле, институты - это правила, регулирующие поведение людей в рамках определенной социальной общности (см., например, [15], [16: 1-8]). Институты могут включать и негласные правила, которые порой имеют большее значение, чем кодифицированные. Однако в данной работе мы сфокусируемся на теоретических подходах к государственным институтам и механизмам, способным эффективным образом реагировать на «вызов» этнокультурного разнообразия. В целом, правила влияют на поведенческие модели участников путем сведения спектра возможных действий к предсказуемым результатам. Можно говорить о следующей дифференциации основных методик предотвращения межэтнической напряженности: (а) «интеграционистский» подход, отрицающий этническую принадлежность как источник политической артикуляции и соответственно стремящийся устранить или хотя бы уменьшить этническую идентичность как источник политической мобилизации; и (б) консоциативный – допускающий возможность политической мобилизации на почве этнической принадлежности. Если первый подход, с точки зрения государственной политики, предполагает запрет этнических партий и поощрение различных форм неэтнических социальных институтов, то второй настаивает на справедливом представительстве этнических групп в политических институтах посредством учреждения федеративной государственной структуры и/или пропорциональной избирательной системы. С точки зрения сторонников консоциативной теории, такие институты, как соглашения о разделении власти, при правильной политической инженерии могут активно поощрять сотрудничество между различными этническими группами, сохраняя при этом возможности мобилизации на почве этнической принадлежности. В результате, как полагают представители этого подхода, установленные институты интегрируют разрозненные этнические группы интересов в более широкие (полиэтнические) образования, тем самым не маргинализируя их.

Разграничение представителей двух основных подходов, впрочем, не означает, что отдельные авторы отождествляют себя исключительно с одной из школ мысли. Зачастую многие авторы ставят себе задачу интегрировать оба варианта институционального дизайна в общую последовательную модель. Даже если признание этнической идентичности рассматривается как первый шаг, институты должны быть разработаны таким образом, чтобы стало возможным преодоление или, по крайней мере, сокращение этнической принадлежности в качестве источника мобилизации. Обсуждение последовательности действий предполагает, что институциональная инженерия связана не только с правильным дизайном, но и с необходимостью выяснить, как то или иное изменение может быть реализовано в каждой конкретной политической системе.

1.2 Либеральный мультикультурализм как набор принципов государственной политики в отношении аккомодации этнокультурных различий

Мультикультурализмом называют течение мысли в рамках политической философии о должном способе реагирования на культурное и религиозное разнообразие [17]. Оно выражается в том, чтобы у представителей меньшинств были свои особые, «дифференцированные» права, которые позволят им не находиться в положении статусной дискриминации по отношению к большинству. Мультикультурализм – это большая проблема не только для политических философов, но и для политиков современности. Однако, в первую очередь речь здесь идет о иммигрантах и их интеграции, больших споров по поводу необходимости признания прав коренных народов и национальных меньшинств, чему как раз и посвящена эта работа, нет [17].

Уилл Кимлика пишет, что рассматриваемое нами явление «...обсуждали под разными названиями: «политика различия», «политика индентичности», «мультикультурализм», «политика признания» [18: 413]. Однако мысль, которая заложена во всех этих понятиях, сходна – современный мир крайне многообразен с культурной точки зрения, а общества не отличаются однородностью. Так было и в прошлом, однако, ранее культурные различия подавлялись, «нормальным» считался взрослый физически здоровый белый гетеросексуальный мужчина и все, кто отличался хотя бы по одному из признаков, подвергался дискриминации в том или ином ее виде. Однако, сейчас ситуация меняется, ранее подвергавшиеся гонениям группы уже не хотят мириться со своим униженным

положением и требуют, чтобы их идентичность была не менее важной, чем идентичность так называемого большинства¹.

Задачей государства всеобщего благоденствия, распространения социальных прав на более широкие слои населения было строительство нации. Наряду с повышением уровня грамотности населения, продолжительности жизни и так далее, стояла важная задача создать общую идентичность. Однако, несмотря на то, что все члены общества имеют доступ к одним и тем же правам, большое число групп населения продолжают чувствовать себя ущемленными, потому что общие гражданские права разрабатывались под нужды белых мужчин и потому не решают вопросов, которые стоят перед другими группами. Они требуют предоставления гражданских прав для своей группы или с силу отрицания идеи об общей культуре вообще или им видится, что наделение отдельных групп специальными правами поможет им стать частью такой общей культуры. Такие права могут включать особую форму политического устройства, собственность на землю, официальное использование языка группы в местных государственных органах и повсеместное преподавание этого языка, и другие.

Согласно Кимликке [18:418], так рассуждают представители этнических меньшинств. Другие группы, подверженные остракизму, например, женщины, гомосексуалисты или инвалиды. Существует два типа прав, которые требуют меньшинства – это экономические права (направленность на равное распределение ресурсов) и статусные права (желание быть признанными). Для одних групп политики признания совершенно достаточно, потому что они имеют равный экономический статус (например, евреи во многих государствах или гомосексуалисты), для других групп важна как политика перераспределения, так и политика признания. Например, для женщин, чей труд в большинстве стран мира ценится ниже мужского.

В целом, выдвигаемые требования могут сильно различаться, однако общее между ними – это то, что они более специфичны, чем права, которыми обладают граждане большинства либеральных демократий и они направлены в первую очередь на признание особой идентичности.

В разных странах, а также у разных авторов, понятие мультикультурализма может быть использовано в отношении совершенно разных групп, как уже было показано выше. Однако, так как в рамках этой работы мы сконцентрируем свое внимание на положении именно этнической группы, в дальнейшем понятие мультикультурализм будет

¹ В современном мире физически здоровые белые гетеросексуальные мужчины, естественно, не являются формальным большинством.

использовано для описания борьбы разных этнических групп за свои «дифференцированные права».

Можно выделить три этапа в дебатах о значении мультикультурализма. Первый из них связан с дебатами между коммунитаристами и либеральными эгалитаристами. На этом этапе мультикультурализм воспринимался как противоположный либерализму концепт. Понималось это следующим образом. Основная предпосылка либерализма в том, что индивид первичен по отношению к обществу. Так как в рамках мультикультурализма речь идет о правах групп, то сложилось вполне логичное предположение, что мультикультурализм является своего рода противоположной либерализму концепцией.

Однако на втором этапе, благодаря тому, что Уилл Кимлика постарался дать либеральный ответ на коммунитаристскую критику, мультикультурализм начал осмысляться в рамках либеральной политической теории [19], [20]. Права, которые хочет получить группа, называют «коллективными» или «групповыми» правами. Кимлика разделяет их на два типа: «внутренние ограничения» (когда внутри самой группы есть разграничения) и «внешняя защита» (права меньшинства, направленные против большинства). По мысли Кимлики, права меньшинств вполне соотносятся с либеральной концепцией прав человека, если они не ограничивают свободу каждого отдельного индивида внутри группы и не провоцируют возвышения одной групп над другими. То есть если наличие этих «дифференцированных прав» уменьшает слабости меньшинства в плане их возможностей в экономике и политике, то тогда такая концепция мультикультурализма не противоречит либеральным ценностям.

На третьем этапе дискуссия о мультикультурализме развернулась в контексте проблематики нацистроительства. Либерализм сознательно игнорирует культурные различия, не придает им значения. В странах не должно быть как доминирующей религии, которая указывает всем, в том числе атеистам или приверженцем других верований, как себя вести, так и доминирующей официальной культуры. Т.е. наблюдается некоторая нейтральность государства по отношению к разнообразным культурным выражениям, вроде языка и прочего. Либеральные нации по сути своей считаются «гражданскими» в отличие от остальных – «этнических».

Однако, Кимлика не поддерживает такое видение либерализма и не считает, что к этносам при либерализме такое же отношение, что и к религии (концепция «разделения государства и церкви»). Кимлика спорит, что, напротив, государство принимает определенные меры, которые способствуют интеграции в так называемую «социетальную культуру». Согласно Кимлике, это «культура, сконцентрированная на определенной

территории вокруг общего языка, который используется в большинстве социетальных институтов как в общественной, так и в частной жизни» [18:438]. Разнообразие неизбежно, потому что в обществе гарантированы права и свободы граждан, однако, определенная культурная сплоченность существует. Возникает она тоже не просто так, а является результатом политики государства. Это не значит, что на территории государства формируется только одна такая культура, совсем нет. Существуют государства, например, Канада или Швейцария, которые вполне успешно создали несколько таких культурных общностей на своей территории. Националистическим, естественно, занимаются и нелиберальные государства, их отличает главным образом цели, достигнуть которых они хотят путем государственной политики создания нации.

Чарльз Тэйлор пишет, что этот процесс ставит принадлежащих к культуре большинства в лучшее положение [21]. Соответственно, меньшинства стоят перед выбором, как вести себя дальше. Кимлика предлагает четыре варианта: массовая эмиграция, интеграция, борьба за права, примирение с маргинализацией.

Кимлика перечисляет пять этнокультурных групп, которые есть в современных странах: национальные меньшинства, иммигранты, изоляционистские этноконфессиональные группы, метеки и расовые кастовые группы. Мы остановимся на рассмотрении только национальных меньшинств, потому что в рассматриваемом нами кейсе идет рассказ именно о них.

Национальные меньшинства Кимлика подразделяет на «субгосударственные нации» и «коренные народы». Мы будем говорить дальше исключительно о коренных народах. Коренным Кимлика называет те народы, «традиционные земли которых были захвачены поселенцами и которые были насильственно или с помощью договоров включены в состав государств, управляемых теми, кого они считают иностранцами» [18].

Чаще всего они стремятся сохранить традиционный образ жизни, определенную автономию, но иметь связь со внешним миром в том числе, однако в удобном для них формате. Также они требуют признания и уважения со стороны большинства, так как обычно оказываются по отношению к нему в неравноправном положении. В основном это находит свое выражение в стремлении использовать институты самоуправления, свой язык в государственных органах, школах, СМИ и так далее. Обычно либеральные страны реагировали на такую позицию меньшинства очень жестко, мешая им сформировать какое-либо осмысленное чувство национальной идентичности и институты. Многие страны были поделены на регионы таким образом, чтобы ни в одной из областей коренные жители не стали большинством и их позиция не отразилась на результатах, например, голосования.

Коренные народы воспринимались центром как недоразвитые (если вообще люди) и соответственно считалось, что интегрироваться в цивилизованное общество в их же интересах. Однако, несмотря на десятки и сотни лет гонений многие национальные меньшинства сохранили свою идентичность. Более того, подчас агрессивная позиция центра только сближала и усиливала сепаратистские настроения среди членов меньшинств. Кимлика задается вопросом, почему в либеральных демократиях малые нации лишены возможности заниматься нациестроительством, каким обладает большинство.

На данный момент большая часть критики мультикультурализма сконцентрирована не вокруг дебатов о справедливости этой концепции, а скорее, вопрос стоит о том, является ли она угрозой «политическому единству и социальной стабильности» [18: 464]. Это связано с тем, что любая этничность признается отдельной культурой и политизируются, хотя в действительности далеко не факт, «что сама по себе этническая принадлежность означает принадлежность к определенной культуре» [22: 159]. Еще одной причиной для критики является идея о том, что эта концепция подразумевает, что с акцентом на различия в культуре, экономическому неравенству уделяется меньше внимания. Кимлика находит неоднозначной уверенность в том, что борьба с экономическим неравенством важнее, чем со статусным. Он спорит, что на примере Канады и Австралии видно, что мультикультурализм укрепляет, а не разрушает единство граждан. Также он спорит, что продуманная политика и признание национальных меньшинств, а также разрешение им иметь хотя бы элементы самоуправления способствует разрешению конфликтов, а не их обострению.

У политики мультикультурализма есть две стороны: прогрессивная и консервативная. Вторая проявляется, когда появляется страх, что традиционная культура сообщества размывается под воздействием других культур. Тогда к риторике мультикультурализма прибегают, однако, позиционируется это как защита «размывающих» культур, а не «размываемых». Т.е. политика мультикультурализма поддерживается консерваторами, формально чтобы ни коим образом не пострадала «инакость» другого [22: 23].

Либерально настроенные группы обращаются к мультикультурализму, чтобы постараться решить конфликты в обществе, связанные с дискриминацией. Также с этими идеями обращаются и сами представители меньшинств, дабы уничтожить существующие практики исключения.

2 Межэтнические отношения как объект государственного управления

В современных демократиях в той или иной включенности в парадигму мультикультурализма выросли уже несколько поколений. Это, конечно, не делает сам мультикультурализм очевидным явлением и не снимает все его противоречия, но свидетельствует об устойчивости традиции межкультурной интеграции. Также, западные общества пережили уже множество миграционных волн, по результатам которых и можно судить о схемах взаимодействия национальных или, что важнее, либерально-демократических государств с этническими группами, оказывающимися на их территории. Правда, объявленная некогда эра пост-национализма так и не наступила, но она способствовала отрыву прав человека от его принадлежности к какой-либо нации — для обладания правами не нужно быть гражданином. Это, безусловно, меняет и подход в отношении к мигрантам, либо этническим меньшинствам. Точно так же, вторым завоеванием этой концепции стало формирование «транснациональных режимов справедливости», в которой субъектом правовой защиты стал человек, а не гражданин и защитой прав, в том числе и культурных, начинают заниматься наднациональные и надгосударственные институты [23: 219]. Сейчас гражданство более характерно представлять как сервис, чем как принадлежность к нации — при этом вовсе не требуется отказываться от любой национальной принадлежности. Это несколько обесценивает как само гражданство, как институт, так и сами нации — они уже не являются основным источником прав и привилегий. Тем не менее, сами сохраняющиеся неолиберальные национальные государства переживают определенные перемены, связанные с их развитием, как они могут повлиять на мультикультурную политику, что в каком-то смысле нивелирует эффект ослабления ценности гражданства, а точнее меняет само представление о нем и снимает сам вопрос о ценности.

Среди других тенденций, характерных для современности: умножение воображаемых идентичностей. Понятно, что эта тенденция также ослабляет как идентификацию с национальными государствами, формируя множественные самоидентификации, так и этнические, представляя собой пространство такого разнообразия, в котором этническая принадлежность может представляться субъектом рядом с бесконечным количеством вариантов принадлежности к другим сообществам — субкультурным, сообществам на основе знания и т.д.

Дрейф лояльности, во-вторых, — нация перестает выступать преимущественным объектом лояльности, этнические и региональные объединения выходят на первый план.

Развиваются трайбализм и регионализм, особая тенденция — трансграничные проекты на основе ретроисторической общности, такие как китайский проект «Нового шелкового пути», например.

И наконец, девальвация суверенитета — вследствие глобализации происходит размывание и снижение суверенитета государств под давлением ситуации на глобальных финансовом и сырьевом рынках, а также глобализации инвестиций, производства и потребления. В разной степени от этого страдает экономический и политический суверенитет.

К этому списку можно добавить военные конфликты и вызванные ими гуманитарные катастрофы, революции, а также подъем националистических движений, вызванный ростом ксенофобии и мигрантофобии.

Легко заметить, что многие тенденции противоречат друг другу, либо наоборот склонны усиливать взаимно свои эффекты, либо оказывают друг на друга сложное, не всегда прогнозируемое или даже четко осознаваемое влияние. Например, помимо девальвации, гражданство само претерпевает изменения и становится более глобальным. Например, европейское гражданство. «Это унифицированное и государство-центричное понимание гражданства всегда было более мифом, чем реальностью, но его еще труднее поддерживать во все более взаимосвязанном мире, в котором образовались новые и более динамичные формы многоуровневого управления и принадлежностей, которые распространяются как выше, так и ниже уровня национального государства. Классический пример этого — создание европейского гражданства, на наднациональном уровне. Хотя предоставление европейского гражданства все еще является производным от приобретения гражданства стран-участниц, в соответствии с их собственными национальными законами, Европейский Суд, как известно, неоднократно декларировал, что каждый отдельный гражданин ЕС наслаждается правами и соответствующими обязанностями, которые вместе создают его статус — гражданина ЕС — которому «предназначено стать фундаментальным статусом граждан стран-участниц» [24: 1017]. То есть, в современном обществе имеется не только тенденция снижения ценности национального гражданства, но и вполне серьезный пример его перехода на более глобальный наднациональный уровень. Это говорит о том, что само понимание гражданства как принадлежности также все более отрывается от принадлежности к какой-либо стране. Если субъектом права становится человек, чьи права признаются независимо от его принадлежности к каким-либо общностям, то можно предположить, что и само гражданство будет становиться все более глобальным.

Несмотря на тенденции глобализации гражданства и оформление институтов, на наднациональном уровне занимающихся защитой прав как отдельных людей, так и этнических групп, все же основной средой взаимодействия таких групп с окружающей их средой остаются отдельные государства. При этом западные либерально-демократические государства также являются и национальными. Правда, их подход к самому понятию нации также изменяется во времени, и сегодняшнее понимание собственной национальной идентичности далеко не тождественно тому, которое существовало даже 50 лет назад.

В описанных условиях даже перед наиболее старыми национальными государствами Западной Европы стоит задача перманентного нациестроительства – пересборки модели гражданской нации, позволяющей включить в эту общность этнокультурные различия, рост которых в последние десятилетия был вызван миграционным притоком. Для того, чтобы избегать потенциальных конфликтов государства прибегают как к символическим (те или иные виды признания вклада иммигрантов в национальную культуру), так и к инструментальным мерам – институционализация политического и гражданского диалога с представителями тех или иных этнокультурных групп. Далее мы рассмотрим обозначенную на проблематику на нескольких примерах.

2.1 Великобритания: межэтнические взаимодействия в оптике межрасовых отношений

Случай Великобритании в настоящее время представляется одним из ярких примеров интеграции этнокультурных различий в национальную культуру на уровне символической политики. С течением времени место иммигрантов в обществе и отношение к ним менялись, что хорошо видно на примере выходцев с Карибских островов и из бывших африканских колоний -- от ярко выраженного расизма принимающего населения за последние несколько десятилетий были сделаны важные шаги для формирования толерантного отношения толерантному отношению к чернокожим и принятию их как равноправных граждан Соединенного Королевства.

Историю иммиграции из экономически слабо развитых стран в Великобританию можно проследить с конца XIX – начала XX века, когда начался миграционный приток из Индии, Бангладеш, Пакистана, Кении, Гон-Конга и т.д. Далее волны обильного переселения происходили после Первой и Второй мировых войн. Несмотря на то, что правительство предпринимало попытки ограничения иммиграции, переселения в Соединенное королевство не прекратились. С течением времени Британия постепенно становилась полиэтнической страной. Показатели уровня иммиграции постепенно растут и в наши дни.

С 3.8 миллионов в 1993 году они увеличились до более чем 8.7 миллионов в 2015, при том, что количество иммигрантов, получивших гражданство возросло с 2 миллионов до 5.7 в рассматриваемый период [25].

Говоря о межрасовых отношениях в Великобритании стоит начать с того, что именно в этой стране возникает феномен «второго поколения» иммигрантов в его современном понимании. Под вторым поколением в данном случае имеются в виду дети новоприбывших переселенцев, родившиеся в принимающей стране и имеющие гражданство, однако, подверженные социальной стигматизации в меру принадлежности к мигрантским семьям. Такое явление по сути своей было бы невозможным без установления определенных взаимоотношений между правительством, с одной стороны, и мигрантскими сообществами, -- с другой. Однако стоит заметить, что в самом начале уровень ксенофобии на территории Англии был велик на столько, что знаки с надписями: «Нет черным, нет Ирландцам, нет собакам» считались в порядке вещей.

Самым важным шагом в уменьшение ущемления прав этнических меньшинств в Соединенном Королевстве стал «Закон о расовых отношениях», принятый в 1965 году. По сути он запретил дискриминацию по признакам цвета кожи, расы, этнического или национального происхождения. Этот закон дал иммигрантам возможность получить достойную работу, которой раньше они были полностью лишены. Закон так же оказал значительное влияние на отношение к людям, имеющим другой цвет кожи и, таким образом, повлиял на снижение уровня преступлений на расовой почве.

Однако стоит отметить причины принятия закона о расовых отношениях. После окончания Второй Мировой Войны сформировался массовый иммиграционный приток из Западной Индии в Англию. Это привело к недовольству со стороны коренного населения, так как особенно в бедных районах, где и приходилось селиться мигрантам, возникала борьба за жилье. Еще в начале 1950-ых годов белые молодые люди рабочего класса проявляли свою неприязнь к растущему числу темнокожих гостей. Появлялись правые и фашистские группы, борющиеся за «очищение» своей страны. Сэр Освальд Мосли, основатель довоенного Британского союза фашистов, позаботился даже о распространении листовок с надписью «Сохрани Британию белой». Во второй половине 1950-х представители субкультуры «Teddy Boys» стали открыто проявлять свою неприязнь к темнокожим, и подвергали их преследованию и нападениям. Утром 24 августа 1958 года, девять белых молодых людей напали пять темнокожих мужчин в Ноттинг-Хилле, серьезно ранив троих из них [26]. После двух недель гражданских волнений в Ноттингеме, массовые беспорядки вспыхнули и в Ноттинг-Хилл. Толпы белых молодых людей преследовали

иммигрантов в Северном Кенсингтоне. Молочные бутылки и бензиновые бомбы летели в их дома. Проблема распространилась на Паддингтон, Ноттинг-Дейл и Шеперд Буш. В конечном счете полиции все же удалось восстановить контроль к 5 сентября [26]. Около 140 человек были арестованы, в основном это были белые молодые люди и небольшое количество темнокожих, которые вооружились для самозащиты. Правительство, в свою очередь, было шокировано происходящим, что привело к длинным дискуссиям на тему расово предвзятого отношения, возможности гармоничного существования общества и масштаба иммиграционного содружества во внутренних городах [26].

Далее в 1963 произошел еще один значимый для принятия закона о расовых отношениях инцидент – Бристольский автобусный бойкот, который привлек большое внимание к расовой дискриминации в Великобритании. Все началось с того, что бристольская автобусная компания отказалась нанимать выходцев из Африки и Азии. Местные профсоюзы отрицали наличие какой-либо «цветной планки», одна в 1955 году была выпущена резолюция, в которой четко пояснялось, что «черный человек» не может быть нанят в качестве автобусного водителя. Ксенофобия на тот момент существовала в полной мере и представителям этнических меньшинств было проблематично найти жилье или работу, они могли занимать только самые низкие должности, вроде продавца магазина или работника столовой, железной дороги, фабрики или отделения почтовой связи. При всем этом их оклад был в разы меньше чем оклад «белового человека», за ту же работу. Под руководством Пола Стивенсона произошел бойкот горожан Бристоля против автобусов компании, который продолжался в течении четырех месяцев, до тех пор, пока компания не сдалась и не отменила «цветную полосу» [27].

По сути, эти события являются наиболее яркими примерами дискриминации и ксенофобии на территории Соединенного королевства в 20 веке. Не сложно представить себе общий уровень отношения к представителям этнических меньшинств. Большую роль здесь сыграло колониальное прошлое [28].

На сегодняшний день, ситуация в Соединенном Королевстве может быть охарактеризована, как амбивалентная. С одной стороны, открытое проявление расизма запрещено, и общий уровень отношения к иммигрантам существенно улучшился за последние полвека. С другой стороны, в свете Брексита можно обнаружить, что мигрантофобия и даже расизм в известном смысле проявились в ходе голосования на референдуме. Если перестать измерять расизм с помощью опросов общественного мнения и посмотреть на ситуацию с точки зрения повседневных практик, не сложно будет заметить, что все же представители этнических меньшинств подвержены бытовой дискриминации.

К примеру, уровень безработицы среди граждан мигрантского происхождения составляет 11.3%, что несколько выше уровня безработицы среди белого населения- 5.5%. Вдаваясь в более глубокую статистику, мы видим, что вероятность того что «черный человек» не будет нанят на работу в три раза выше чем белый; на сегодняшний день 38% черных мужчин являются безработными, когда процент белых мужчин без работы составляет 17,8%. Вполне очевидно, что и средний уровень благосостояния среди иммигрантов ниже, чем средний достаток коренного населения Соединенного королевства [29].

Еще одной областью, в которой проявляется неравенство в контексте межрасовых и межэтнических отношений на территории Англии является здравоохранение. Представители этнических меньшинств на 60% чаще подвержены психологическим заболеваниям, таким как депрессия. «Черные люди» в 6.6 раз чаще задерживаются полицией по закону об охране психического здоровья. Этот аспект является очень важным, ведь количество чернокожих людей преобладает в системе уголовного правосудия, то есть примерно три четверти всех темнокожих иммигрантов в Британии в возрасте от 18 до 35 лет присутствуют в базе данных полиции [29].

Что касается отношений «коренного населения» и иммигрантов, то после заявления Великобритании о намерении выйти из Евросоюза, ситуация значительно ухудшилась. С 24 июня по 23 июля 2016 года, то есть в первый месяц после референдума, в прессе были оглашены 134 инцидента на почве ксенофобии, в реальности же их было еще больше, если учесть те, что не освещались в медиа-сфере. Эти случаи на почве расизма включали в себя физические издевательства и нападения, поджоги, насилие и угрозы жизни для иммигрантов из других частей Европы, мусульман и темнокожих. В итоге количество произошедших инцидентов в семь раз превосходит количество тех, что были годом ранее [30].

Вывод напрашивается сам собой: законодательные решения сами по себе не могут положить конец ксенофобии, если они не сопровождаются диалогом на уровне гражданского общества и практиками спонтанной социальной интеграции. Посредством символической политики государство может повлиять на снижение уровня ксенофобии в обществе лишь опосредованно. Дискриминация на расовой и этнической почве остается существенной чертой многих сфер социальных отношений, в частности рынка труда, и ее преодоление невозможно исключительно посредством предпринятых «сверху» рестриктивных мер. Важную роль здесь играют общественные организации, способные

выступить посредниками между различными сторонами рассматриваемых взаимоотношений.

2.2 Специфика восточноевропейских стран: проблема борьбы с ксенофобией

В своем эссе, посвященном экспорту либеральной модели управления этнокультурным разнообразием, Уилл Кимлика анализирует особенности Восточной Европы, главная из которых заключается в том, что «этнические группы» существуют в этом регионе поверх национальных границ [1]. Более того, наличие соседнего «родственного государства» является одним из ключевых факторов политической мобилизации для этнических меньшинств в странах Восточной Европы [1], [11]. Как бы то ни было, проблематика межэтнической напряженности преимущественно рассматривалась в этом регионе с точки зрения «автохтонных» меньшинств. В последние десятилетия страны Восточной Европы, многие из которых с начала 1990-х годов являются миграционными донорами, постепенно начинают испытывать иммиграционный приток, и тем самым превращаются в реципиентов иностранной рабочей силы, а также беженцев. Это обстоятельство осложняет динамику межэтнических отношений в странах бывшего соцлагеря. Стремительный рост правопопулистских партий, использующих риторику ксенофобии для политической мобилизации, объясняется не только сложностью отношений указанных стран с соседями, но и засильем предубеждений в отношении иммигрантов как представителей этнической инакости.

Зачастую ксенофобию связывают со сложившимися в том или ином обществе стереотипами, связанными с попыткой сохранить религиозные, семейные и исторические «традиции», однако не стоит исключать и политическую составляющую данного вопроса. Попытка оказывать влияния на социум порождает применение властью определенных политических идеологий, не всегда отвечающих принципам гуманности и ставящих под сомнение достоинство представителей других народов, религий и цивилизаций. Ксенофобские настроения стали неотъемлемой частью повседневной реальности в жизни Восточной Европы: ими активно пользуются праворадикальные организации, происходит радикализация крупных консервативных партий, возникают межэтнические столкновения, сопровождающиеся преступлениями на почве ненависти [31].

Рост ксенофобии и агрессивного национализма в Европе постепенно обретает черты серьезного вызова, с которым в самое ближайшее время могут столкнуться и другие страны континента. Говоря о проблеме ксенофобии, следует отметить роль власти и средств массовой информации. Тема мигрантов ярко освещается европейскими СМИ. Так, поляки

и венгры, обычно не сталкивающиеся с иммигрантами из арабских стран, в социологических опросах утверждают, что арабы являются наиболее нежелательными приезжими [32]. Что касается нашей страны, то согласно опросам ФОМ, 86% россиян никогда не подвергались дискриминации по национальному признаку и лишь 23% утверждали, что испытывают межнациональную напряженность в районе своего проживания [33]. То есть негативное отношение части россиян к представителям других этносов и религий в значительной степени формируется с помощью СМИ.

СМИ также являются активными ретрансляторами позиций властей и лидеров различных политических группировок. Не стоит забывать, что позиция власти остается определяющей не только в вопросах создания законодательной базы и в области правоприменения, но и в процессе формирования общественных взглядов. Так как власть в большинстве случаев пользуется авторитетом, то любые ее заявления против расизма и дискриминации в определенной степени могут способствовать созданию толерантной общественной среды. И наоборот, ксенофобские настроения со стороны правящей силы формируют общественный запрос на радикализм. Как правило, представители политического руководства осознают опасность ксенофобских взглядов, но могут допускать подобного рода высказывания в отношении сексуальных меньшинств и иммигрантов. Депутаты законодательных собраний от праворадикальных партий, а также представители местной власти часто выступают с ксенофобскими заявлениями, делая упор на националистически настроенных избирателей. В этом смысле особенно показательны выступления представителей венгерской партии «Йоббик», специализирующиеся на эксплуатации антисемитских, антицыганских и гомофобских штампов [31].

В последние годы в связи с ростом правого сантимерта в восточноевропейских обществах наблюдается тенденция, при которой крупные европейские партии политического истеблишмента, представленные в парламенте, стремясь привлечь больше избирателей, перенимают лозунги мелких националистических партий и групп. Такая ситуация имеет место и в России, где представители не только политических партий, но и чиновники достаточно высокого уровня, вплоть до вице-премьеров и мэра Москвы, повторяли лозунги националистов, направленные против мигрантов и ЛГБТ. Так, практически все кандидаты на пост мэра Москвы, в том числе представители партий либерального спектра (например, партии «Яблоко») использовали антимигрантскую риторику в 2013 году.

Таким образом, сегодня мы являемся свидетелями не только объективного расширения электоральной базы праворадикальных партий, но и субъективной

радикализации крупных консервативных партий. Эти процессы происходят в Венгрии, где правящая партия «Фидес» активно перенимает антииммигрантскую и гомофобскую риторику партии «Йоббик» [32]. В Польше партия Ярослава Качиньского «Право и справедливость» периодически прибегает к антисемитской риторике [32]. Мигрантофобия на сегодняшний день – одна из самых распространенных форм ксенофобии, имеющая место практически во всех европейских странах. С начала «кризиса» беженцев в ЕС ксенофобские настроения охватили многие европейские общества. Праворадикальные организации получили почву для мобилизации, а солидарность некоторых глав государств сменилась призывами к национальным решениям. Вишеградская группа (Чехия, Венгрия, Польша, Словакия) пошла против общего европейского решения, резко отказавшись принимать беженцев. Поведению группы подражают праворадикальные организации Западной Европы. Уровень ксенофобии в Чехии, Венгрии, Польше и Словакии был высок на протяжении многих лет. В 2015 году наиболее обеспокоенными данной проблемой были Чехия и Словакия, а затем Венгрия, в то время как в Польше показатели были гораздо ниже. Беспокойства по поводу снижения уровня жизни, а также социальной безопасности были наиболее распространенными среди жителей этих стран, за исключением Польши, где жителей больше волновало сохранение культурных ценностей. На основе данных Европейского социального исследования (ESS) от 2010/2011, спрос на правый экстремизм (DEREX) Индекс показал высокий уровень антииммигрантских настроений во всех странах Вишеградской группы, кроме Польши [34]. Страна с самым высоким уровнем ксенофобии была Венгрия, где 49% респондентов выразили антииммигрантские взгляды, по сравнению с 36% в Словакии и Чехии, а также 16% в Польше в 2011 году [34]. Существенной особенностью ксенофобии в странах Вишеградской группы является то, что антииммигрантские настроения в этих странах не основываются на реальном опыте взаимодействия с иностранцами. Страны региона монокультурны и в основном моноэтничны, с незначительным коэффициентом населения иностранного происхождения (самым большим этническим меньшинством в регионе являются цыгане, затем венгры в Словакии, словаки в Чехии и немцы в Польше). Таким образом, предубеждения против иностранцев возникает только на основе теоретических и символических страхов перед «Другим».

Что касается россиян, то по данным известного аналитического центра «Левада-центр», 68% жителей России испытывают изоляционистские установки в отношении мигрантов [35]. Правда, более лояльное отношение, по данным другого аналитического центра - Фонда «Общественное мнение», существует по отношению к беженцам из

Украины. Несмотря на общераспространенное мнение о том, что «мигранты отнимают у коренных жителей работу», 80% жителей граничащей с Украиной Ростовской области, где сосредоточено большинство ищущих убежища из соседней страны, не замечают каких-либо изменений, которые произошли с их приездом. Вместе с этим, больше половины опрошенных не согласились бы приютить у себя беженцев и предпочли бы, чтобы со временем, после разрешения конфликта, они уехали к себе домой [36]. Важно то, что тема иммиграции перестает быть первостепенным вопросом для россиян, как это было еще несколько лет назад. По данным опросов ВЦИОМ, опубликованных 17 февраля и 31 марта 2015 г., лишь 1% респондентов считал миграционную политику наиболее актуальной проблемой в масштабах страны [37], [38]. Опрос Левада-центра, данные которого были опубликованы 16 марта, давал лишь 9% людей, для которых «наплыв мигрантов» является «самой острой проблемой» [39].

В 2014 году около 10 попыток трансформации бытовых конфликтов в межэтнические и межрелигиозные столкновения имели место в России. Как правило, за ними стояли активисты различных национал-радикальных группировок. В некоторых случаях такие попытки удались: 11 января 2014 года произошло столкновение между местными жителями и трудовыми мигрантами из Таджикистана, в ходе которого пострадало два гражданина Таджикистана. Было задержано правоохранительными органами 134 человека, в том числе 90 несовершеннолетних [40].

Далеко не во всех странах Восточной Европы существует прозрачная статистика, на основе которой удалось бы провести сравнительный анализ количества и раскрываемости данного вида преступлений. Так, Министерство внутренних дел России предоставляет на своем сайте усеченную информацию о преступлениях экстремистской направленности с указанием динамики по сравнению с предыдущими периодами [37], однако из нее не ясно, какие виды преступлений были совершены, сколько из них сопряжено с насилием и против каких групп они были направлены [31]. Недостаток этой информации можно восполнить только за счет данных, собираемых и анализируемых неправительственными организациями.

В Венгрии и Украине официальная статистика явно расходится с реальностью [31]. Во всех странах, имеющих «закрытую», «полузакрытую» отчетность или не имеющих таковой, как правило, наблюдается высокий уровень бытовых преступлений на почве расовой ненависти, хотя нельзя сказать, что это явление полностью изжило себя и в странах с открытой статистикой. Кроме того, разные страны по-разному классифицируют эти правонарушения, отсутствуют единые стандарты в их классификации [31].

Рост ксенофобии в Европе, являющийся следствием укоренившихся исторических традиций и лакун в современном законодательстве, ведет к обострению межнациональных и межконфессиональных отношений. Устаревшая модель европейского национального государства, строившегося на традициях «титульной нации» и допускающая существование только ассимиляционной модели интеграции меньшинств, не решает проблему роста ксенофобии. В настоящее время в большинстве европейских стран наблюдается маргинализации дискурса мультикультурализма, который в 1980-е -- 1990-е годы был призван стать альтернативой ассимиляционистской модели. Так, Роджерс Брубейкер отмечает своеобразное «возвращение ассимиляционизма» [42].

В последнее десятилетие наблюдается фактическое сворачивание патронажных программ по поддержке национальных мигрантских меньшинств в тех немногих государствах Европы, где они фактически осуществлялись. Между тем в основе мультикультурных практик лежали отнюдь не идеалистические, а вполне рациональные соображения. Резоном политики «поддержки меньшинств» в тех странах, где такая политика проводилась, было стремление избежать появления этнического андеркласса» [23].

При этом сохраняется вполне очевидное стремление европейских властей «поддерживать открытость будущего, не допуская жесткой конкуренции между большинством и меньшинством». «Современная политика кажется движется в двух противоположных направлениях — к большему интернационализму и большему космополитизму, с одной стороны, и большему уважению к определенным культурам и традициям, — с другой [43: 371]. Также заметен и подъем национализма, о котором свидетельствуют высокие проценты неонационалистических, таких как партия Ле Пен во Франции, или даже откровенно нацистских партий, как «Золотая заря» в Греции. Немалую роль в этом подъеме сыграли теракты, совершенные на территории Европы в последние три года.

Но, демократия все же обладает собственными институтами для разрешения таких проблем, а *de facto* мультикультурализм может служить средством удержания от перехода противоречий в неуправляемую форму. Даже европейские националистические силы, которые готовы действовать в демократических рамках, можно рассматривать в качестве одной из частей народа-общества, о котором пишет Розанваллон. Точно так же, как с другой стороны находятся мигрантские сообщества и сотни различных групп, движений, партий и объединений. В этом смысле у демократий куда больше шансов извлечь из такой ситуации пользу и получить новое единство, чем последовать по пути критиков, предрекающих

«поглощение мигрантами» или прочие бедствия. Более того, как раз концепции рефлексивной демократии окончательно обнуляют различие между иммиграционными и национальными государствами, поскольку становится очевидным, что современная демократия не воспринимает нацию как некое «неизменное ядро» — скорее это текущая результирующая самоидентификация наличного многообразия, которая через поколение может трансформироваться и будет выглядеть иначе.

О том, что европейские государства не думают сворачивать политику интеграции раз свидетельствует то, что по данным университета, практически во всех либеральных демократиях отмечается тот или иной рост «индекса мультикультурных политик» [23: 109], что явно означает понимание европейскими властями важности такой политики и осуществлении ее без громких заявлений на фоне горячих общественных дискуссий. Кроме того, сама демократия и мультикультурализм, также, как и институт гражданства, глобализируются. Такие исследователи, как Хакан Алтинай уже начинают рассуждать о глобальной гражданственности — то есть включенности в символический порядок западных демократий все большего числа людей по всему миру независимо от их национальной, этнической или гражданской принадлежности. При этом страны Восточной Европы находится в известном смысле на периферии описанных процессов, поскольку в них по-прежнему доминирует этническое понимание нации, что нередко является приводным ремнем мобилизации на этнической почве посредством разжигания ксенофобских настроений.

3 Механизмы обеспечения бесконфликтного общежития: опыт иммиграционных стран

3.1. Причины городских бунтов XXI века в Европе и меры противодействия

Согласно докладу ООН, «фундаментальными факторами, которые будут определять будущее глобальной повестки дня в области развития, являются численность, структура и территориальное размещение мирового населения» [44]. При этом для наиболее экономически развитых стран, завершивших демографический переход (низкий уровень рождаемости, низкий уровень смертности, высокая продолжительность жизни), все актуальнее становится проблема, связанная с нехваткой работников (прежде всего, в низкооплачиваемых сегментах рынка труда). В таких условиях страны стараются ликвидировать нехватку человеческого капитала за счет привлечения мигрантов.

При этом в странах ЕС более 75% населения проживает в городах, и соответственно именно на городские структуры и сервисы приходится основная нагрузка по интеграции мигрантов [45]. Одновременно с этим даже в самых благополучных странах ЕС разрыв между богатыми и бедными продолжает расти [46]. В связи с этим подавляющее большинство мигрантов оказываются под двойным давлением: они не интегрированы в общество и имеют крайне низкие доходы. Более того, первый из этих факторов усиливает второе, и наоборот. Самостоятельно справиться с таким давлением мигранты, как правило, не способны, и именно по этой причине они нуждаются в поддержке принимающего государства. Однако, зачастую эта поддержка оказывается недостаточной или неэффективной, что, соответственно, приводит к недовольству в мигрантской среде.

Все вышеописанное ведет к разрушению доверия между мигрантами и принимающим обществом. При отсутствии доверия мигрантские сообщества замыкаются сами в себе, что, соответственно, препятствует их интеграции в общество. Как правило именно по этой причине в современных европейских городах появляются этнические гетто. В крайнем случае, когда другие каналы коммуникации между мигрантами и государственными службами (в первую очередь полицией, социальными службами) недостаточно эффективны недовольство может перерасти в беспорядки. Как показывает практика последних десятилетий, даже самые спокойные и успешные города не застрахованы от беспорядков, погромов и восстаний.

В своем анализе мы сфокусируемся на трех модельных кейсах – беспорядках во Франции осени 2005 года, в Великобритании 2011 года, и погромов в Стокгольме 2013 года. Такой выбор связан с тем, что Европа – наиболее близкая России социальная реальность,

переживающая схожие демографические процессы и сталкивающаяся со схожими вызовами в области управления городами и интеграции мигрантов в общество.

Наша задача состоит в оценке проводимой странами политики, выявление причин выступлений, рассмотрение эффективности предпринятых мер, формирование рекомендаций, нацеленных на снижение вероятности подобных событий или скорейшего их преодоления.

3.1.1. Французские события осени 2005 года

Картина событий

Прокатившуюся по французским пригородам осенью 2005 года волну погромов нельзя назвать неожиданной. По заявлениям МВД Франции, насилие в пригородах стало обычным делом задолго до этих событий. Поводом для серии городских бунтов, распространившихся из парижских пригородов по многим городам Франции, стала смерть 3 французских граждан (мигрантов второго поколения из Магриба). Несмотря на то, что они погибли от удара электрическим током на одной из подстанций, многие посчитали виноватой в этом полицию, что и послужило формальной причиной для восстания. Однако *первопричины бунтов лежат в фундаментальных проблемах, в первую очередь связанных с системой интеграции мигрантов во Франции, а также нарастающим социальным кризисом, в первую очередь сказывавшимся на беднейших слоях населения.*

Проблемы интеграционной политики Франции.

Интеграция мигрантов в принимающее общество – сложный процесс, который необходимо постоянно контролировать. И если созданная в Пятой республике система интеграции отлично отвечала реалиями середины XX (первое поколение мигрантов из Северной Африки достаточно быстро интегрировалось во французское общество; в первую очередь это было связано с сильной заинтересованностью французской экономики в их услугах), то к началу XXI века сама основа системы интеграции стала неактуальной и требовала серьезного переосмысления. *Конституция пятой республики подразумевает, что все население страны – равноправные граждане, а национальность не имеет значения.* Соответственно отвергается само понятие мультикультурализма, а от мигрантов требуется быстрая гражданская интеграция в общество, зачастую связанная с отказом от своей идентичности. Однако, как показывает практика, такой подход не устраняет проблемы бытового расизма со стороны коренного населения, в первую очередь по отношению к мигрантам из Африки. Это связано с тем, что идея о цивилизаторской миссии Франции,

широко продвигавшаяся в колониальные времена, никуда не исчезла из бытового сознания, и мигранты, в первую очередь неевропейского происхождения, не воспринимаются французами, как равные [47].

Фактор безработицы

Кроме того, мигранты, привлеченные в процессе послевоенной индустриализации из стран Магриба, столкнулись с серьезными проблемами, связанными с сокращением количества рабочих мест, не требующих квалификации. Это было обусловлено оттоком производства в страны третьего мира начиная с 1980-ых годов. К тому же *властям не удалось встроить в исторический нарратив позитивную оценку послевоенной волны миграции из Северной Африки во Францию* [48:4], не смотря ключевой вклад этого поколения мигрантов в развитие экономики страны.

Примерно с этого периода количество городских восстаний во Франции начало постепенно расти. И если мигранты первого поколения как правило озабочены в основном проблемами выживания в новой для себя обстановке, то их дети и внуки, рожденные уже во Франции, и по факту ничем не отличающиеся от коренных французов сталкиваются с проблемой тотальной безработицы (до 30% по сравнению с 10% для коренных французов) неравенства и дискриминации, связанной в первую очередь со своим происхождением, несмотря на то, что официальная риторика объявляет происхождение ничего не значащим [80]. Так, *дети, чьи родители родились вне ЕС, имеют в 2 раза (на 15%) большую вероятность не найти постоянную работу спустя 5 лет после окончания обучения.*

Секвестр социальных программ как возможный триггер бунта

Кроме того, с возвращением к власти правых сил после парламентских выборов 2002 года было сильно сокращено финансирование и без того не самых эффективных программ по созданию субсидируемых рабочих мест для населения пригородов, реновации (основная часть жилого фонда населенных мигрантами пригородов 60-70-ых годов постройки и нуждается в постоянном обновлении, на которое у местных бюджетов нет собственных средств) интеграции мигрантов [49]. Статистически такой *секвестр социальных программ сам по себе серьезно повышает вероятность восстаний.*

Таким образом, к 2005 году сложилась ситуация, когда *большое число родившихся во Франции мигрантов второго и третьего поколений на бумаге имели равные с коренными французами права и возможности, а на деле оказались в ситуации тотальной*

дискриминации в своей родной стране. Кроме того, обещанные еще в начале 1980-ых муниципальные избирательные права мигрантам так же не были предоставлены.

Более 750 городских районов по всей Франции были признаны властями отстающими по уровню жизни и качеству предоставляемых государством сервисов [50]. Так например, образование являлось жестко централизованным, лучшие учителя оказывались в элитных районах Парижа, тогда как в самые неблагополучные районы отправлялись сотрудники без опыта работы [47], что очевидно мешало создать из школ в пригородах эффективный социальный лифт. Лишь в 2003 году одна из самых престижных школ Парижа отказалась от набора исключительно по территориальному принципу, и открыла специальную квоту для перспективных студентов из неблагополучных пригородов города.

Французская полиция как негативный фактор стабильности пригородов

Учитывая, что попытка левых сил создать муниципальную полицию в начале 2000-ых провалилась, ситуация только ухудшилась с возвращением правых к власти в 2002 году. Кроме того, после событий 11 сентября 2001 года в практику французской полиции вошли постоянные проверки и обыски потенциальных террористов – мигрантов второго и третьего поколений, преимущественно исповедующих ислам. Очевидно, что этот шаг только обострил конфликт, и способствовал увеличению напряженности между мигрантами и национальной полицией.

При этом *французская полиция, занимавшая третье место в Европе по численности по отношению к населению во время протестов показала свою неспособность контролировать ситуацию, что ставит под сомнение обоснованность ее численности* [50]. Куда более действенным инструментом выглядит создание локальной полиции, находящейся в постоянном контакте с местными сообществами. Таким образом можно снизить напряженность в отношениях мигрантских сообществ с полицией и, соответственно, убрать элемент, зачастую провоцирующий городские бунты.

Бунт как символический акт

Важно отметить, что *необходимо рассматривать подобные бунты, в том числе, и в качестве средства коммуникации, а не исключительно деструктивной деятельности.* Кроме того, нужно понимать, что в такого рода выступлениях для подавляющего большинства участников, насилие – это инструмент и способ быть услышанными, а не цель. Соответственно, бунтующих необходимо расценивать не как маргиналов-грабителей, а, в первую очередь, как граждан, отчаявшихся добиться изменений другим путем. Особенно

важно воздержаться от маргинализации выступивших в публичном дискурсе – это поможет быстрее погасить вспышку насилия, и даст возможность установить контакт с лидерами, вместо того чтобы вступать с ними в длительную конфронтацию.

Нужно понимать, что атака на полицию – это протест против ее жестокости. Уничтожение машин – атака на богатство других в сравнении собственной нищетой и т.д. *Безусловно среди бунтующих есть и маргинальные элементы в отношении которых необходимо вести уголовное преследование, однако не стоит прибегать к тотальным арестам и тюремным срокам для всех участников бунта.* В краткосрочной перспективе эта мера достаточно эффективна, но она не решает фундаментальных проблем, спровоцировавших выступления. Кроме того, такие меры ведут к обострению конфликта между населением и полицией, что только ухудшит обстановку в долгосрочной перспективе. Так возвращение на некоторое время колониального закона 1955 года, разрешавшего досмотр и помещение под домашний арест любого кто кажется полиции подозрительным, не только не способствовало улучшению отношений между властью и мигрантами в долгосрочной перспективе, но и не оказало эффекта на сами погромы, они и без этого не длились более 3-4 дней в одном районе.

О преодолении последствий

В целом выступления 2005 года можно охарактеризовать, как реакцию мигрантов второго и третьего поколений на процесс их исключения из общества [50]. Несмотря на серьезное внимание, привлеченное к погромам, нельзя назвать жесткую реакцию политиков и национальной полиции на произошедшее эффективной стратегией в долгосрочной перспективе, так как она не борется с первопричинами проблем. Даже закон о равном доступе к образованию и рабочим местам принятый в начале 2006 года не сильно изменил реальное положение дел [48]. *Более действенным инструментом видится работа в социальной сфере, а не в юридическом поле.*

3.1.2. Стокгольм 2013

Картина событий

Несмотря на то, что погромы в Стокгольме в мае 2013 года стали для многих сторонних наблюдателей неожиданностью, их тоже нельзя назвать спонтанными или беспричинными. Как и в предыдущем случае, условия для подобных событий формировались ни один год. Так исследователи из Flemishpeaceinstitute сравнили это

восстание с игрой «в кошки-мышки» с полицией перед объективами камер [51]. Несмотря на нанесенный ущерб *насилие не выходило за рамки – никаких человеческих жертв, никакого грабежа*. В качестве целей для атаки были выбраны городские службы и публичные объекты, что говорит о преобладании символических причин над деструктивными. И, если во Франции власть сразу попыталась маргинализировать восставших и перевести решение проблемы в плоскость силовых ведомств, то в Швеции избрали другой подход. Была предпринята попытка создать альтернативу деструктивной деятельности, в первую очередь в виде разнообразных мероприятий, проводившихся в Хасби силами гражданского общества.

Социальная обстановка

Причины погромов в Швеции на деле близки к французским. Так, незадолго до событий мая 2013 года *МинЮст Швеции ввел практику досмотров на улицах, схожую с той, что послужила формальной причиной выступлений во французских пригородах 2005 года*. Более того, в Швеции так же регулярно горят машины в беднейших пригородах, что является важным индикатором существующего конфликта между определенными городскими слоями. Погромы в Стокгольме начались в районе Хасби – преимущественно населенном мигрантами (77% населения имеет неевропейские корни [52]), обладающими низким социальным достатком. Кроме того, социальные связи района с остальным Стокгольмом были достаточно слабыми, а его репутация – маргинальной, как и в случае с французскими пригородами. Таким образом, район фактически замкнулся сам в себе, произошло деление на своих и чужих. Именно поэтому насилие было направлено, в первую очередь, против городских сервисов – полиции, образовательных учреждений и т.д. *Проблема разрывов в городской ткани, в первую очередь, между благополучными и неблагополучными районами, является очень серьезной и именно благодаря этому разрыву бунтующим так легко совершать насильственные действия (за счет разделения на своих и чужих)*. Преодоление этой дистанции зачастую помогает избежать подобных выступлений.

Стоит учитывать, что для многих стран Швеция выступает ролевой моделью социального государства, и тот факт, что подобные выступления возможны в этой стране показывает, что одной экономической интеграции и высоких социальных обязанностей государства недостаточно для эффективной интеграции бедных мигрантских районов и их населения в города и общество. Нельзя отрицать и того факта, что за несколько последних десятилетий экономическая ситуация в Швеции ухудшилась и, в первую очередь, это коснулось мигрантов. Так индекс Джини вырос с 0.19 в 1975 до 0.26 в 2010 годах [51]. Упала

и эффективность системы социальных выплат. В любом случае нужно понимать, что *восстание даже в одном районе небольшого города в развитой стране является индикатором системной проблемы.*

О роли репутации районов

Как правило, выступления начинаются в беднейших районах, но достаточно быстро выходят за их границы. Причины выступлений просты – молодежь из таких районов выпадает из образовательной системы, не может найти работу, не имеет собственного жилья, и зачастую не получает достаточной социальной поддержки от государства. Один из городских служащих Стокгольма описал район так: «Хасби – серое место, с низким трафиком, небольшим количеством магазинов, ресторанов и социальных объектов» [51]. Мигранты вынуждены жить по несколько человек в одной комнате, у них нет личного пространства. Район сильно отличается от соседних, он как бы выключен из города. *Статистически, наличие в резюме адреса в Хасби снижает вероятность устроиться на работу.* Дети зачастую начинают считать, что с ними и их семьей что-то не так. Они чувствуют себя брошенными, для них государство становится антагонистом. В таких условиях единственный способ быть услышанными – нанести удар по его пространству и символам – городским службам и социальным объектам.

Роль гражданского общества и третьего сектора в борьбе с бунтами

Считается, что *серьезную роль в борьбе с протестующими сыграли позитивные силы общества, с которыми активно работали власти.* Гражданские активисты и общественные организации устроили несколько эвентов в районе и попытались создать позитивную атмосферу. Был проведен митинг против насилия, концерт, на большом экране был показан матч Лиги Чемпионов. Однако реакция внутри Хасби оказалась неоднозначной, в силу того, что большая часть позитивных сил была привлечена со стороны, и являлась чужаками для жителей района. *Этот инструмент можно считать эффективным, особенно если активно работать с локальными позитивными силами, а не привлекать лояльных активистов извне.* Кроме того, важно трансформировать сам район, чтобы люди не стремились уехать из него при первой же возможности. Однако это достаточно сложная задача, учитывая, что наиболее распространённая мера – ревитализация, как правило, приводит к тому, что старое сообщество выдавливается в новый бедный район, где условия будут ничуть не лучше. Наиболее перспективной мерой

выглядит развитие самого района без попытки массового привлечения горожан более высокого достатка извне.

Кроме того, важно преодолеть барьер между мигрантами и шведским обществом, которое зачастую не понимает, что они могут ему дать [51: 24]. Однако важно понимать, что заявления о превосходстве одной культуры над другой никак не помогут интегрировать меньшинство, а наоборот создадут в нем ощущения притесненности и враждебности, что очевидно мешает интеграции в общество.

Шведский комплекс мер

В шведском случае причина протестов – разрыв между молодежью и полицией, городом и районом, политическими риторикой и тем, как система работает на местах. И именно преодоление этого разрыва является ключевой задачей власти. Для этого были приняты следующие меры:

1. Восстановление публичного порядка с привлечением полицейских сил из других городов. Безусловно, порядок необходимо восстановить в кратчайшие сроки, однако привлечённые извне полицейские более склонны к жестким мерам, что негативно может сказаться на микроклимате района в дальнейшем.

2. Привлечение позитивных сил (гражданских активистов, общественных организаций) с целью отвлечь жителей от насилия и создать доброжелательную атмосферу в районе. Мера так же сработала, однако, как и в случае с полицией есть вопросы относительно эффективности привлеченных извне людей.

3. Создание пространств (в первую очередь, civic centers) и видов деятельности (уличному времяпровождению) для борьбы с чувством брошенности среди молодежи в первую очередь в летние месяцы. Хороший ход, однако, его функция сдерживающая и необходимы более серьезные меры, чтобы убрать сами причины протеста.

4. Фокусировка на улучшении условий проживания, создание рабочих мест, расширение образовательных возможностей. Эффективная политика в этом направлении способна внести серьезный вклад в устранение ключевых дисбалансов, провоцирующих бунты. Однако эта мера начинает давать результаты через несколько лет. К тому же она требует серьезных финансовых затрат в долгосрочной перспективе.

Шведский истеблишмент выработал серьезный список мер, однако, помимо этого, очевидна необходимость борьбы с расизмом и работа над интеграцией самого района в городскую ткань, чтобы преодолеть разрыв между обитателями Хасби и городом. Кроме того, многим гражданам извне может показаться, что правительство сдает позиции и его

реакция недостаточно жесткая. В этой связи необходима серьезная кампания, разъясняющая что протест – нечто большее чем акт голого насилия.

3.1.3. Лондон 2011

Картина событий

Триггером лондонских погромов также послужили агрессивные действия полиции – был застрелен Марк Дюгган. По утверждению полиции, он был застрелен ответным огнем, однако на деле пистолет жертвы был найден в нескольких метрах от нее и из него не стреляли. Именно *попытка полиции выставить себя невиновной и спровоцировала волнения*. Кроме того, полиция не установила нормальной связи с семьей Дугана и проигнорировала их мирную акцию протеста. Через три дня погромы распространились по Лондону и многим другим городам Англии. Ущерб составил около 200 миллионов фунтов, тюремные сроки получили около 1300 человек (средняя длительность 17 месяцев).

Еще раз о триггерах бунтов

Как и в стокгольмском случае, жестокость полиции и искажение информации об инциденте со стороны властей послужили поводом для начала бунта. Кроме того, во всех описанных случаях, между инцидентом и началом погромов были попытки мирной коммуникации со стороны протестующих, во всех трех случаях успехом не увенчавшиеся. *Недовольство полицией и недоверие к ее действиям в такой ситуации умножается на пассивную реакцию властей и ведет к эскалации конфликта*. Кроме того, реакция полиции на сами выступления во всех трех случаях была чрезмерной, что только усугубило ситуацию. Статистически, такие восстания длятся 4-5 дней (во Франции продолжительность 3 недели, однако не более 4-5 дней в одной точке). Отличие английского кейса заключается в том, что по стране прокатилась волна мультимедийных выступлений (во Франции и Швеции участвовали преимущественно мигранты 1-3 поколений). Так из представших перед судами 41% – белые, 39% – чернокожие, 12% со смешанной кровью, 8% – азиаты. Таким образом, можно сделать вывод, наличие большого числа мигрантов не является обязательным для восстания такого типа, однако они являются группой риска в силу своего дискриминируемого положения в обществе и низкого достатка.

О роли риторики во время бунтов

Со стороны власти вновь прозвучали слова о маргиналах, которые очевидно нацелены на смещение акцента с социальных и экономических проблем, спровоцировавших восстание, на личные качества восставших и непропорциональность насилия, что негативно сказывается на образе бунтовщиков в глазах общества. Подобные заявления в глазах власти очевидно являются попыткой жестко ответить на насилие и не допустить даже мысли о собственной слабости, однако они совершенно не способствуют решению конфликта. Очевидно, что большинство протестующих находятся вне политического мейнстрима и фактически не могут влиять на национальную политику, однако их восстание – попытка быть услышанным в условиях, когда ненасильственные каналы связи не работают.

Наказание за бунт

Таким образом, жёсткая реакция власти, направленная одновременно на подавление насилия и повышение собственного рейтинга в глазах мейнстрим электората должна быть смягчена, чтобы не поставить крест на отношениях с протестующим меньшинством. В первую очередь, это должно коснуться наказаний за выступления. В Англии и Франции реакция со стороны судебной системы была крайне жесткой, сроки заключения для восставших были в разы выше, чем для осуждённых по аналогичным статьям в предыдущие годы. В то же время в Швеции более 90% дел было прекращено до суда. Очевидно, *что наказания необходимы, однако для большинства выступивших, не совершивших серьезных преступлений разумным выглядит назначение общественным работ и интеграционных курсов, что должно помочь им при интеграции в общество.* Тюремное заключение выглядит хорошей опцией только для небольшого числа арестованных по делам, связанным с нанесением вреда здоровью мародерством.

3.2. Механизмы интеграции иммигрантов второго поколения

3.2.1. Канада как страна-первопроходец в области мультикультурной иммиграционной политики

В 1967 году канадское правительство изобрело новый способ борьбы с дискриминацией и предрассудками в отношении иммигрантов. Страна происхождения и национальность претендента на гражданство перестали учитываться в качестве релевантных категорий отбора. Вместо этого была введена балльная система, целью которой был отбор людей с высоким уровнем образования, свободным владением

английского или французского языками и опытом работы в тех секторах рынка труда, в которых канадский рынок труда испытывает наибольшую потребность.

И по сей день Канада – одна из лидирующих стран с точки зрения эффективности иммиграционной политики. Сначала иммигрант получает статус постоянного жителя. Постоянные жители пользуются всеми социальными благами граждан Канады, однако не пользуются избирательным правом, не имеют канадского паспорта и могут в случае совершения преступления быть лишены статуса постоянного жителя. Они также обязаны в течение 183 дней в году фактически находиться на территории Канады.

Через три года иммигрант имеет право подавать документы на гражданство. Причём, согласно законодательству, за последние четыре года иммигрант три года должен фактически находиться на территории Канады. Гражданство предоставляется по результатам экзамена по английскому или французскому языку, а также специального теста на знание Канады. Данный тест определяет не только знание основ конституции, истории и государственного устройства страны, но и наличие у человека представления о текущей политической ситуации в стране и регионе его проживания — о депутатах от своего избирательного округа, мэре города, их партийной принадлежности, о партии власти и официальной оппозиции [53].

Термин «мультикультурализм» появился в Канаде 1960-х годов как характеристика новой политики государства, вызванной этнокультурным, расовым и религиозным разнообразием страны. Однако официально политической идеологией он был признан лишь в 1971 году, что только утвердило несостоятельность прежней интеграционной политики. Рассмотрение мультикультурализма проводится на трех уровнях - демографическом, идеологическом и политическом [54: 8]. Основными принципами мультикультурализма являются толерантность, самоценность, равенство культур и множественная идентичность. Однако, в условиях стремительной глобализации происходит обострение межкультурных процессов внутри обществ. Это приводит к различному роду турбулентностям, которые зарождаются по разным причинам, например, из-за религиозных или межэтнических различий.

По данным переписи населения в Канаде около 20 % населения составляют люди иностранного происхождения. Ранее большинство иммигрантов приезжало в Канаду из стран Европы, сейчас же преобладают следующие направления: Азия и страны Ближнего Востока (58.3%), Европа (16.1%), Карибский бассейн, Центральная и Южная Америка (10.8%), Африка (10.6%) [55]. Подобный скачок в иммиграции привел к четырехкратному увеличению популяции «видимого меньшинства» с 4,7% в 1981 году до 16,2 % в 2006 году

[55]. Также в Канаде увеличилась доля недавно прибывших иммигрантов, говорящих на языке отличном от английского или французского.

Столь высокий уровень иммиграции заставил канадцев не только усовершенствовать национальную политику страны, но и создать необходимые условия для обучения и проживания детей иммигрантов. Процент выходцев из мигрантских семей вырос с 24% в 1971 году до 34% в 2006 годом [55]. Дети иммигрантов, по сравнению с канадской молодежью, чаще испытывают социально-экономические трудности, что неизбежно приводит к росту неравенства между семьями иммигрантов и местных жителей. Трудности, с которыми сталкиваются дети другой языковой принадлежности, могут быть обусловлены отсутствием надлежащих знаний или надлежащего информирования таких групп в отношении принимаемых на государственном уровне мер.

В Канаде действуют следующие государственные программы, направленные на адаптацию и интеграцию иммигрантов.

Immigrant Settlement and Adaptation Program (ISAP). В рамках этой программы выделяются средства на предоставление услуг вновь прибывающим, включая прием, информирование/ориентацию в отношении жизни принимающей страны, устный и письменный перевод, услуги полупрофессионального характера и услуги в области трудоустройства. Годовой бюджет программы – 36.7 миллионов долларов.

Host Program помогает иммигрантам справиться со стрессом после переезда в новую страну. Волонтеры оказывают новоприбывшим помощь в изучении английского и французского языков, налаживать контакты в своей сфере деятельности, стать полноценным членом “нового” общества. Годовой бюджет – 2.9 миллиона долларов.

Language Instruction for Newcomers to Canada (LINC) Программа преподавания языка для прибывающих в Канаду взрослых иммигрантов обеспечивает базовую подготовку на одном из официальных языков Канады. Обучение языкам способствует социальной, культурной и экономической интеграции иммигрантов. Что, в свою очередь, помогает им как можно скорее стать полноценными членами канадского общества. Годовой бюджет – 92.7. миллиона долларов.

Resettlement Assistance Program (RAP) Программа помощи в расселении прибывающим в Канаду лицам осуществляется Ассоциацией ОПЭ, местной некоммерческой организацией, финансируемой МГИ, канадской организацией по развитию людских ресурсов и организацией "Канадское наследие". Программа состоит из двух основных компонентов: 1) материальная помощь для Government-assisted refugees (GARs) сроком до 12 месяцев (осуществляется и предоставляется CIC); и 2) предоставление

услуг для GARs в течение первых 4-6 недель, в том числе прием в пункте въезда в страну, временное размещение, ориентация и информирование, помощь в поиске постоянного жилья и ходатайство об участии в специальной государственной программе. Годовой бюджет – 40.4. миллиона долларов [56].

В начале октября 2016 года в Канаду прибыли более 32000 сирийских беженцев. Почти две/трети сирийцев не говорили по-английски и по-французски. Месяцем ранее “Statistics Canada” выпустил ряд новых демографических оценок населения Канады. Подробный анализ показал, что во втором квартале 2016 года прибыли 86000 иммигрантов; большая часть иммигрантов возрастом менее 19 лет (несовершеннолетние по канадским законам).

Государство и жители страны делают все возможное, чтобы аккультурация и адаптация иммигрантов прошла как можно быстрее и проще. В качестве примера можно привести Центр Живого искусства (Living Arts centre) в Миссиссога, Онтарио. Здесь дети беженцев из Сирии изучают музыку, поют в хоре на арабском и английском языках.

Специальные музыкальные программы были разработаны для интеграции беженцев, в особенности детей, в социум страны. Сотрудники музыкальных центров с энтузиазмом помогают молодежи преодолеть эмоциональные, языковые, академические и социальные проблемы, приспособиться к своему новому дому.

3.2.2. Случай Соединенных Штатов

В контексте США понятие «первое поколение иммигрантов» применяется к людям, родившимся за пределами Соединенных Штатов, когда ни один из его родителей не является гражданином США. «Второе поколение» относится к людям, родившимся в Соединенных Штатах, и имеющим по крайней мере одним из родителей, относящегося к «первому поколению». Второе поколение иммигрантов США – это 20 миллионов взрослых людей (детей иммигрантов, рожденных в США). Согласно данным переписи населения США, ключевые социально-экономические показатели второго поколения существенно лучше, по сравнению с иммигрантами первого поколения. Они имеют более высокие доходы; являются выпускниками высших учебных заведений и домовладельцами; и меньше живут в бедности.

Латиноамериканцы и американцы азиатского происхождения составляют около семи из десяти сегодняшних взрослых иммигрантов первого поколения и около половины сегодняшнего взрослого населения второго поколения. Исследования показывают, что вторые поколения обеих этнических групп:

имеют гораздо больше шансов говорить по-английски, нежели иммигранты первого поколения;

имеют друзей и супругов не из своей этнической или расовой группы;

лучше ладят с коренным населением;

позиционируют себя как «настоящего американца»

С учетом нынешних тенденций иммиграции и уровня рождаемости, практически весь (93%) рост трудоспособного населения страны в период с сегодняшнего дня до 2050 будет происходить благодаря иммигрантам и их детям, родившихся в США, в соответствии с демографическим прогнозом Pew Research Center [57].

Половина из 44 миллионов иммигрантов, которые пришли в течение последних четырех десятилетий, были из Латинской Америки, около четверти (27%) из Азии, а остальные из других регионов. Во время двух предыдущих иммиграционных волн (в конце 19 и начале 20 веков), почти девять из десяти прибывших были европейцами [57].

Безусловно, имеются огромные различия между двумя основными группами иммигрантов в США (латиноамериканцы и азиаты). Основная часть испаноязычных иммигрантов имеет относительно низкий уровень образования и работают в сфере низкоквалифицированных и низкооплачиваемых работ, в то время как большинство азиатских иммигрантов (особенно те, кто приехал в последние несколько десятилетий) имеют относительно высокий уровень образования и навыков, которые помогают получить им более квалифицированную профессию.

Весомые расовые или этнические различия между группами отразились на социально-экономическом состоянии второго поколения. Например, около 55% второго поколения американцев азиатского происхождения имеют степень бакалавра или более, по сравнению с 21% латиноамериканцев. Кроме того, существует достаточно большая разница в доходах и в уровне бедности среди второго поколения латиноамериканцев и американцев азиатского происхождения. Хотя и определенная разница между этническими группами существует, в это же время, второе поколение живет лучше, чем первое по большинству ключевых показателей экономического успеха [57].

Достаточно сложно сделать окончательные выводы об успехе сегодняшних иммигрантов второго поколения в сравнении с ранее приехавшими иммигрантами. Кроме того, многие из сегодняшнего второго поколения только сейчас начинают входить во взрослую жизнь (16 миллионам из них меньше 18 лет), а также более миллиона новых иммигрантов прибывают каждый год. Потребуется десятилетия, прежде чем можно будет

делать попытку провести анализ показателей жизни второго поколения иммигрантов и их детей.

Единственное, что можно сказать с уверенностью, что члены второго поколения иммигрантов имеют огромное влияние на судьбу этой страны на протяжении будущих десятилетий. [58]

Согласно данным опросов, около половины или более представителей второго поколения американцев азиатского происхождения говорят, что их наследие не имеет никакого эффекта, когда речь идет о получении работы или продвижение по службе. Однако, когда дело доходит до получения образования, азиатские иммигранты второго поколения склонны видеть свое наследие как преимущество (20% говорят, что оно помогает, 10% - что ухудшает ситуацию) [58]. Представители второго поколения выходцев из Латинской Америки, говорит, что нет никакого положительного эффекта в том, чтобы быть испаноязычным для того чтобы получить поощрение на работе [58].

Иммигранты указывают различные причины для переезда в Соединенные Штаты. В целом 56% выходцев из Латинской Америки говорят, что экономические возможности этой страны являются основной причиной. Это больше в два раза доли людей, которые живут в Соединенных Штатах по семейным причинам (23%), второй наиболее часто цитируемой мотивации [58].

Среди первого поколения американцев азиатского происхождения, около трети (31%) говорят, что они живут в США по семейным обстоятельствам. Примерно столько же (28%) приводят образовательные возможности как важнейший фактор, и около одной пятой (21%) говорят, что они иммигрировали искать возможности экономического роста. Независимо от причины, примерно равное число иммигрантов -- латиноамериканского (79%) и азиатско-американского (76%) -- говорят, что если бы они должны были решить, стоит ли снова приезжать в Соединенные Штаты, они приехали бы снова [58]

Интеграция иммигрантов включает в себя не только самих иммигрантов, но и принимающее сообщество. Акцент здесь делается на том, как современная волна родившихся в США иммигрантов проживает по четырем ключевым направлениям интеграции: (а) языковой, (б) социально-экономический, (в) участие в политической жизни страны, и (г) социально-общественной.

Знание английского является безусловным требованием для полноценного участия в жизни американского общества. Не удивительно, что использование английского языка продолжает быть горячей точкой дискуссий об интеграции иммигрантов в стране и сплоченности иммигрантов с коренным населением. Чем больше времени иммигранты

провели в Соединенных Штатах, тем больше вероятность, что они говорят по-английски свободно. На самом деле, иммигранты сегодня знают английский язык намного лучше, чем иммигранты первого поколения.

Молодежь второго поколения живет значительно лучше относительно своих родителей (при достижении того же возраста в 2005 году, в каком их родители были в 1980). Результаты показывают, что второе поколение представителей всех этнических групп живет лучше, чем иммигранты первого поколения по всем характеристикам социально-экономического прогресса. Результаты показывают очень быструю социально-экономическую мобильность внутри групп иммигрантов и то, что второе поколение улучшает стандарт жизни иммигрантов в американском обществе [59].

Политическая интеграция имеет как формальные, так и неформальные аспекты. Формальная политическая интеграция заключается в правовом статусе и гражданстве, а также участие в политическом процессе, который в первую очередь включает в себя голосование. Неформальная интеграция включает в себя членство в политических ассоциациях и в политической активности.

Правовой статус - является ли иммигрант обладателем визы, юридически заверенным постоянным жителем страны или гражданином - это, возможно, самый важный аспект политической интеграции, поскольку впоследствии он может определить другие аспекты интеграции. Если говорить про правовой статус иммигрантов, то большая часть иммигрантов в США пускаются в крайности: либо они являются гражданами Соединенных Штатов, либо они являются незаконными иммигрантами. Однако, около 90% второго поколения иммигрантов являются законными гражданами США и имеют равные права с коренным населением [59].

Среди иммигрантов второго поколения, показатели регистрации избирателей значительно ниже, нежели среди уроженцев США: около 61 процента по сравнению с 72 процентами на выборах в ноябре 2008 года. Регистрация является первым шагом на пути к участию в избирательной системе страны, но не все зарегистрированные избиратели фактически появляются в день выборов. Иммигранты из Азии имеют особенно низкий уровень явки: менее половины появляются на избирательных участках [59].

Дети второго поколения иммигрантов, которые еще не достигли совершеннолетия, демонстрируют некоторую склонность к участию в неформальном политическом процессе, особенно когда речь идет о протестах по поводу законов об иммиграции, которые могут в какой-то мере повлиять на их родителей иностранного происхождения. Во время протестов о правах массовых иммигрантов в 2006 году, много молодежи второго поколения

иммигрантов являлись катализаторами, которые помогли вовлечь своих родителей в несанкционированные демонстрации [59].

Примечательно, что процесс интеграции происходит почти без государственного вмешательства. Тем не менее федеральное правительство США предприняло небольшие шаги в направлении формирования политики интеграции иммигрантов. Администрация Буша создала сервис по вопросам интеграции и гражданства, который работает для того, чтобы обеспечить федеральное руководство инструментами и ресурсами, активно способствующими интеграции иммигрантов и повышению уровня знаний английского языка, а также прав и обязанностей гражданина США, а также вдохновлять иммигрантов получать американское гражданство [59].

Государственное образование традиционно является главным двигателем интеграции. Школы предоставляют обучение для иммигрантов и их детей, чтобы те смогли успешно интегрироваться в стране в социальном и политическом плане. Школы также могут быть механизмом общения, который дает детям возможность взаимодействовать с членами разных этнических групп, тем самым разрушая социальные границы. В районах с большим количеством иммигрантов, таких как Калифорния, Нью-Йорк, Флорида и Иллинойс, перенаселенность, высокая текучесть кадров и хронического недофинансирования истощают государственные школы, и таким образом, уничтожают перспективы для успешной интеграции. Ситуация особенно тревожная в Калифорнии, где проживает больше всего иммигрантов, чем в любом другом штате. В Калифорнии иммигранты и их дети сильно зависят от нестабильной системы образования для выполнения своих социально-экономических устремлений [59]

Пожалуй, самым серьезным препятствием для успешной интеграции иммигрантов является неустойчивые правовые статусы, при которых иммигранты получают возможность начала своей жизни в Соединенных Штатах. Почти 7 из 10 нелегальных иммигрантов являются рабочей силой, а также незаконные иммигранты составляют не менее 10 процентов рабочей силы в Калифорнии, Флориде, Аризоне, Неваде и Нью-Джерси.

Из-за того, что многие иммигранты являются нелегальными, этот факт негативно влияет на жизнь и интеграцию не только первого поколения иммигрантов, но и на детей нелегальных иммигрантов, родившихся в США. Согласно выводам на основе исследований, собранных в Лос-Анджелесе, американцы мексиканского происхождения, рожденные в США с родителями, которые являлись еще нелегальными иммигрантами во время исследования, имели на 25 процентов больше шансов не закончить среднюю школу,

на 70 процентов меньше шансов закончить колледж и имеют доход на 30 процентов ниже, чем те, чьи родители получили гражданство. Родительский правовой статус представляет собой проблему для их детей, даже если эти дети получают высококвалифицированную профессиональную позицию. Исследование указывает на то, что многие взрослые дети нелегальных иммигрантов с трудностями получают экономическую точку опоры, поскольку они посвящают значительное количество экономических ресурсов, чтобы помочь родителям справиться с трудностями здравоохранения, поиска работы на рынке труда и поиска жилья [60].

3.2.3. Случай Германии: на примере выходцев из турецких и югославских семей

Две крупнейшие группы иммигрантов второго поколения в Германии – это выходцы из семей турецких трудовых мигрантов и беженцев из Югославии. Наибольшее число представителей второго поколения турецких мигрантов проживает в Берлине, а во Франкфурте – людей югославского происхождения. Основой ступенью интеграции мигрантов второго поколения является начальная школа. Нужно заметить, что в Берлине она длится 6 лет, а во Франкфурте – 4 года. Как турецкие, так и югославские мигранты выбирали для своих детей школы, расположенные ближе к их дому. Им была не так важна репутация школы, разнообразие предметов, изучение религии. Более того, большинство представителей второго поколения обучались в государственных немецких школах, что дало им возможность получить представление о социетальной культуре принимающей страны. Однако этим детям было достаточно сложно интегрироваться в новую среду, поэтому многие из них оставались на второй год. 14,6% мальчиков и 12,3% девочек турецкого происхождения оставались на второй год, в то время как соответствующие показатели у югославских и немецких учеников были намного ниже [60]. Учителя наблюдали у этих учеников слабую вовлеченность в учебный процесс, сложности с немецким языком, нехватку родительской поддержки, поэтому принимали решения о повторе курса.

Что касается старшей школы, то дети мигрантов чаще всего получали рекомендации на обучение в школах низкого уровня (Hauptschule), а кто-то был рекомендован сразу в несколько типов школ. Конечно же, родители выбирали для своих детей школы высшего ранга, потому что хотели для них лучшего. Только после получения сертификата об обучении в школе высокого уровня, такой как Гимназия, второе поколение имело право на место в университетах. После Hauptschule они могли сразу начинать работать или же отправляться в профессиональные колледжи. Многие представители второго поколения

обучались в Realschule – школа среднего уровня. Нужно заметить, что выбор типа старшей школы для ребёнка зависел от образования родителей. Например, турецкие иммигрантки чаще всего не имели образования, поэтому их дети обучались в Hauptschule. А дети югославских иммигранток обучались и в гимназиях, и в Realschule, и в Hauptschule, несмотря на то, какое было образование мам. Мигрантам требовалось время для того, чтобы адаптироваться к новой социальной среде, многие из них не знали немецкого языка, или знали его плохо, постоянно при письме и разговоре допуская ошибки, поэтому их дети были неграмотны для немецкой школы, родители не могли помочь им с уроками, всё приходилось делать самим, без поддержки. Однако на качество обучения в школе влияет не только добросовестное и правильное выполнение домашнего задания, активное участие на уроках, но и общение с одноклассниками и учителями. Около 95% представителей второго поколения турецкого происхождения не могли найти общий язык со своими сверстниками, одноклассниками, враждовали с ними, а представителей югославского происхождения, испытывавших такую же проблему, было только 75%, что тоже немало. Однако 43% югославов считают, что учителя относились к ним нечестно, в то время как турок с таким же мнением примерно 20%. [60].

Получение образования безусловно влияет на то, как интегрируется второе поколение в немецкий рынок труда. Согласно полученным данным, показатель безработицы в Берлине намного выше, чем во Франкфурте. Представителей второго поколения турецкого происхождения, которые не работают (19,8% в Берлине и 12% во Франкфурте) значительно больше, чем югославского происхождения (около 10% в обоих городах) [60]. Данные результаты доказывают взаимосвязь между получением образования и дальнейшей работой: чем лучше образование, тем лучше работа. Почему же турецкие показатели по безработице выше, чем югославские? Дело в том, что турецкие дети учились немного хуже, чем югославские, что и привело к данной ситуации. Второе поколение турецкого происхождения, особенно представительницы женского пола, больше занимается неоплачиваемой семейной работой, заботится о больных и не ищет новую работу. Девочки берут пример со своих матерей, которые имеют низкий уровень образования, нетрудную работу или её отсутствие.

81,7% представителей второго поколения турецкого происхождения и 81,9% югославского работают на частных фирмах или же занимаются предпринимательством. Нужно заметить, что эти показатели не сильно отличаются от немецких – 78,8%. Больше всего женщин второго поколения именно турецкого происхождения (29,2%) работают в государственных учреждениях (например, работа по уходу за людьми), что достаточно

предсказуемо, принимая во внимание существующие турецкие традиции [93]. Количество рабочих часов югославского второго поколения немного меньше, чем турецкого. Также получены результаты касательно того, как чувствуют себя работники на рабочих местах, какая их окружает атмосфера в коллективе. Оказалось, что турецкое второе поколение испытывало дискриминацию на работе больше, чем югославское. Конечно же, это повлияло на психологическое состояние работников, их желание работать, развиваться, совершенствоваться. Нужно заметить, что сами респонденты турецкого происхождения находили языковой барьер и отличие в культуре и традициях самыми главными причинами для некомфортного рабочего процесса.

Нетрудно заметить, что после столкновения с трудностями в получении образования, представители второго поколения турецкого происхождения начали испытывать трудности и на рынке труда. Различия с европейской культурой, традициями и языком снова стали преградой для второго поколения. Однако турки были больше удовлетворены занимаемыми рабочими позициями (примерно 74% представителей), чем югославы. Представители второго поколения югославского происхождения в большинстве случаев считали, что занимаемые ими должности ниже их образования [60].

От того, какое образование получает человек, зависит работа, которой он сможет заниматься. Работа же даёт возможность получать определённый заработок, обеспечивающий в последствии самого работника, его семью, его доход определит уровень жизни трудящегося. Так как мигранты чаще всего имеют низкий уровень образования и низкий доход, они живут в районах, где недвижимость дешевле. Из-за того, что данную ситуацию испытывают многие мигранты, они начинают объединяться с людьми своей национальности и живут по соседству. Это приводит к сегрегации.

В Берлине, отличающемся ростом числа иностранцев, мигранты живут смешанно. Представители второго поколения, имеющие турецкие корни, чаще всего относят себя к людям, которые живут среди рабочего класса. Представители югославского второго поколения считают, что живут среди людей среднего класса. Второе поколение чаще всего снимает квартиры в многоквартирных домах, потому что на частную недвижимость не хватает денег. В Берлине представители второго поколения обычно живут одни, реже в парах или в парах с детьми. Они больше обеспокоены количеством мусора, чем вандализмом и кражами, случающимися в их районах. Также в Берлине некоторые представители второго поколения турецкого происхождения вынуждены проживать в домах, обеспечивающих социальную поддержку.

Что же касается Франкфурта, где количество иностранного населения становится всё меньше и меньше, второе поколение турок и югославов чувствуют, что они живут среди рабочего класса и, больше, среди среднего класса. Арендная плата за квартиру там выше, чем в Берлине, но это не мешает представителям второго поколения снимать жильё в многоквартирных домах. Нужно заметить, что во Франкфурте люди больше живут парами, чем в одиночку.

Сравнивая ситуации в Берлине и Франкфурте, можно выделить несколько сходств и различий. В обоих городах второе поколение турецкого происхождения является наиболее обособившейся относительно других национальных групп. Также в этих городах относительно высокий показатель людей, которые живут одни. В Берлине представителей второго поколения, уже имеющих детей, немного больше, чем во Франкфурте. Во Франкфурте, несмотря на дорогую недвижимость, второе поколение живет в частных домах больше, чем в Берлине. Франкфурт является одним из самых опасных городов в Германии, так как в нём постоянно случаются кражи, однако представители второго поколения как турецкого, так и югославского происхождения чувствуют себя комфортнее и состоятельнее. В общем счёте, ситуации в этих двух городах, в Берлине и Франкфурте, схожи для мигрантов.

Перейдём теперь к этнической ориентации. Второе поколение имеет немецкое гражданство, однако ощущает ли оно себя немцами? Около 49,6% представителей второго поколения турецкого происхождения и 69,7% югославского происхождения чувствуют себя немцами [60]. Однако значительное число турок чувствует себя как немцами, так и турками. А вот югославы больше чувствуют себя членами немецкой национальной общности.

Есть много факторов, которые влияют на ощущение принадлежности человека к какой-либо национальности. Одним из таких факторов является язык, на котором он разговаривает с родными и близкими, с друзьями, на котором он думает. Для большинства представителей второго поколения в Германии немецкий является их вторым языком. Это означает, что они были воспитаны на родном языке своих родителей, и приобрели немецкий в процессе взаимодействия с людьми, говорящими на этом языке. Первым этапом, на котором они столкнулись с немецким, был, как уже упоминалось ранее, детский сад. Взрослея, представители второго поколения с турецкими корнями разговаривают со своими родителями преимущественно на турецком (около 73%), а с друзьями – на немецком (76%). Представители второго поколения югославского происхождения разговаривают со своими родителями на немецком (больше 50%), а с друзьями и сверстниками практически только

на немецком (96%). Они едва ли когда-либо используют свой родной язык во взрослой жизни. Югославы, по их ощущениям, владеют немецким в говорении, письме и чтении одинаково «отлично». Турки же оценивают себя на «хорошо» в говорении, хуже в чтении и письме [60].

Принимая во внимание все полученные результаты, можно заметить взаимосвязь между языком, который используют мигранты, и национальностью, близость к которой они чувствуют больше всего. Представителей турецкой национальности в Германии больше, чем югославского происхождения, поэтому второму поколению легче объединиться в группы и почувствовать свою этническую принадлежность к своей национальности, чем югославам.

Частый контакт (поездки, денежные переводы, деловые отношения) со страной, в которой родились родители человека, так же, как и язык, на котором он разговаривает, может повлиять на его этническую ориентацию.

68,4% второго поколения турецкого происхождения и 49,3% югославского происхождения хотя бы раз посетили страну своих родителей в крайние 5 лет. Примерно 20% обеих групп, в это же время, посещало эти страны раз в год или даже чаще. Однако с возрастом количество поездок на родину родителей у второго поколения сокращается. Это объясняется тем, что будучи детьми и подростками, второе поколение путешествует вместе со своими родителями. А родители чаще всего для отдыха выбирают страну, в которой они родились [60].

Около 0,6% турок и 1,5% югославов второго поколения имеют бизнес в стране родителей, поэтому деловые поездки в этих странах можно свести к минимуму. Немного и денежных переводов совершают представители второго поколения на родину своих родителей. Двое из пяти опрошенных турок хотели бы некоторое время пожить в стране рождения родителей, в то время как из югославов с таким желанием нашёлся только один из шести. Можно заметить, что частый контакт с родиной родителей не так сильно влияет на этническую ориентацию второго поколения [60].

Религиозная ориентация так же влияет на принадлежность к какой-либо группе. Она может быть порой даже сильнее, чем этническая принадлежность. Представители второго поколения турецкого происхождения чаще всего были с малых лет воспитаны, как мусульмане, а югославы – как христиане. Турки относятся к своей религии более эмоционально и трепетно, чем югославы. Если произносят что-то оскорбительное и непристойное относительно мусульманства, примерно 82% второго поколения отнесутся к этому тревожно, их это заденет. А если это же произойдёт с религией югославов, только

47% из них хоть как-то на это отреагируют. Однако можно заметить, что представители второго поколения турецкого происхождения молятся и посещают мечети реже, чем обычно это делают мусульмане, а примерно 30% вообще не относят себя ни к какой религии. Такие показатели обычно нетипичны для людей, исповедующих мусульманство [60].

В целом, представители второго поколения югославского происхождения чувствуют себя ближе к немецкой религиозной ориентации, они свободнее и не так религиозны. Турецкие представители чувствуют слабые связи или совершенно ничего общего касательно религии в Германии.

Социальное общение безусловно влияет на то, как будет чувствовать себя человек в стране, в обществе. Дружба, помимо семьи, является одним из самых главных источников адаптации и социализации человека. Чаще всего друзья становятся даже ближе человеку, когда он находится в подростковом периоде. То, какие у человека друзья, будет определять его взгляды, мировоззрение, отношение к другим. Представители второго поколения мигрантов общаются с людьми разных национальностей в течении всей своей жизни. Однако, согласно опросу, трое лучших друзей у 60% представителей турецкого происхождения тоже турки, и у всего лишь 30% югославского происхождения лучшие друзья тоже югославы [60]. На первый взгляд может показаться, что югославы более открыты для общения с представителями других национальностей. Но нельзя забывать тот факт, что югославов в Германии меньше, чем турок. Турецкие мигранты жили по соседству друг к другу больше, чем югославы, что способствовало большему общению их детей. Более того, сами представители второго поколения югославского происхождения говорят, что они посещали школы, в которых было не так много учеников-югославов. Дети мигрантов турецкого происхождения, надо заметить, имели проблемы в изучении немецкого языка, что тоже повлияло на выбор друзей. Им было легче заводить друзей-мусульман, чем немецких католиков или протестантов.

Представители второго поколения югославского происхождения больше общаются с немцами, чаще голосуют, влияя на политическую ситуацию в Германии, они не отделяются от остального народа, не являются объектами дискриминации. С точностью наоборот обстоят дела у второго поколения турецкого происхождения.

Что же касается создания семьи, представители второго поколения турецкого происхождения более консервативны. Девушки выходят замуж немного раньше, чем немки. Более того, начиная с 1970-х годов, в Германии распространилась тенденция на сожительство, а не на обязательное наличие брака. Эту тенденцию перенимают больше

представители второго поколения югославского происхождения. Традиционно дети мигрантов турецкого происхождения и в выборе партнёров. Чаще всего их им подбирают, как и обычно в Турции, родители. Второе поколение югославского происхождения более открыто, они женятся и выходят замуж за людей любой национальности, чаще всего за представителей немецкой, что позволяет им и их детям возможность к лучшей интеграции.

Принимая во внимание все полученные результаты, можно сделать вывод, что интеграция второго поколения – это достаточно сложный и длительный процесс. Представители второго поколения турецкого происхождения имеют больше различий с немцами, чем югославского происхождения, что несомненно замедляет и усложняет процесс их интеграции. Но нельзя забывать то, что изначально, турецкие представители имели совершенно другие традиции и обычаи, их религия и отношение к ней кардинально отличаются от того, что существует в Германии. Турецкого населения проживает в Германии больше, чем югославского, это способствует их объединению и расположенности к обособлению себя от других культур и национальностей. Однако турки развиваются и интегрируются всё больше и старательнее. Например, уровень образования представителей второго поколения уже намного выше того, что имеет первое поколение. Второе поколение имеет не такие традиционные взгляды, как их родители.

Второму поколению югославского происхождения интегрироваться легче, потому что они имеют больше схожих черт с немецким народом, они не так традиционны, готовы меняться, открыты к изменениям, совершенствованию. По численности югославов намного меньше, чем турок, что не даёт им возможности объединяться и обособляться. Изначально их родители являлись беженцами, они благодарны, что Германия приняла их, оберегла. Их желание интегрироваться было сильным, поэтому и дети чувствуют себя комфортно в немецком обществе.

Опыт Германии в принятии иммигрантов нужно учитывать и в сегодняшние дни. Для того, чтобы новое поколение мигрантов и их детей смогло интегрироваться в общество, нужно огромное желание иммигрантов, их стремление адаптироваться. Они должны с уважением относиться к обществу принимающей страны, и иметь возможность подстраиваться под него. Только соблюдая эти условия, спустя некоторое время, мигранты смогут интегрироваться, потому что не только им нужно привыкнуть к новому месту, но и коренным жителям нужно приспособиться к новым жителям своей страны.

4. Международные механизмы защиты прав меньшинств

Принятие международных актов о защите национальных меньшинств свидетельствует о том, что проблема защиты этнокультурных сообществ перестала быть только внутренним делом того или иного государства, а вышла на международный уровень. По всему миру большое количество людей пытаются создать достойную жизнь для себя и своих семей. Они артикулируют самые разнообразные требования, целью которых является достижение справедливости, но их повседневная жизнь омрачена расизмом, невежеством, предрассудками и молчанием со стороны доминирующего большинства. Эти люди борются, чтобы получить хорошо оплачиваемую работу (а в большинстве случаев любую работу), чтобы прокормить себя и свою семью, а их дети зачастую не могут получить хорошее образование. Существенная проблема состоит в том, что их голоса игнорируются остальной частью общества и несмотря на количество официальных документов, гарантирующих национальным меньшинствам право на достойную жизнь, на практике эти права далеко не всегда реализуются [61].

На протяжении более чем 40 лет организация Minority Rights Group International (далее MRG) работает как с автохтонными меньшинствами, так и с иммигрантскими общинами. MRG —неправительственная организация (НПО), обеспечивающая права этнических, религиозных и языковых меньшинств и коренных народов во всем мире и содействующая развитию сотрудничества и взаимопонимания между общинами. MRG работает с более чем 150 организациями в более чем 50 странах. MRG имеет консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете Организации Объединенных Наций, а также статус наблюдателя при Африканской комиссии по правам человека и народов. Управляющий Совет организации состоит из людей, приехавших из 10 различных стран мира. MRG зарегистрирован в качестве благотворительной организации, (No. 282305), а также компании с ограниченной ответственностью в Великобритании (No. 1544957). Во всем мире меньшинства нередко становятся также жертвами вооруженных конфликтов и междоусобной борьбы. Особое беспокойство вызывает положение беженцев и внутренне перемещенных лиц, принадлежащих к меньшинствам (особенно женщин и детей). Лица, принадлежащие к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, зачастую становятся также жертвами дискриминации в различных аспектах социальной жизни общества и могут быть лишены, в частности, доступа к надлежащему жилищу, земле, собственности и даже гражданству. MRG помогает таким людям вернуть и отстаивать свои права [61].

Организация Minority Rights Group разрабатывает различные меры для поддержки голосов меньшинств и коренных общин, а также старается укрепить международные системы защиты прав меньшинств для того, чтобы добиться положительных изменений в законодательстве, политике и на практике. Их работа предлагает большое количество доказательств (а именно результатов, того, что принятие во внимание мнений этих людей приводит к более сильному, более сплоченному обществу. MRG приобрела сильную международную репутацию в качестве лидера в своей области, благодаря предоставлению достоверной информации, а также благодаря своей способности осуществлять программу работы высокого качества по защите интересов меньшинств и коренных народов. Несмотря на то, что MRG принимает во внимания проблемы различных объединений, в различных странах мира (например, Европа (цыгане), Ирак (христиане), Индия и Непал (далиты) решения, предлагаемые MRG, действительно эффективны, так как для каждого государства организация находит свой уникальный подход. Более того, каждый проект и кампания разработаны вместе с партнерами и общинами, которые активно участвуют в реализации, мониторинге и оценке всей работы, проделанной группой MRG, что помогает получить еще более действенный результат [61].

Каждые четыре года MRG принимает новое задание стратегического плана от своих партнеров и других заинтересованных сторон, учитывая интересы меньшинств в определенный период времени. Стратегический план организации, реализуемый в период с 2013 по 2016 годы базировался на следующих трех основных целях:

1. Борьба с дискриминацией в отношении меньшинств и коренных народов.
2. Защита существования общин, члены которых находятся под угрозой из-за преследований по признаку национальной принадлежности.
3. Усиление голоса меньшинств и коренных народов в различных странах.

В согласии с партнерами, были выбраны следующие направления работы на указанный период: право на землю, образование, учет прав меньшинств в работе с международными организациями, а также были рассмотрено сильное дискриминационное давление [62].

Работа MRG по решению проблем в сфере образования (сглаживание неравенства в образовании для меньшинств и детей коренных народов) в основном осуществляется на Ближнем Востоке и в Африке, где все проделанные организацией шаги по борьбе с несправедливостью оказались весьма успешными. Проделанная работа по сбору доказательств, связанных с дискриминацией детей и подростков в Турции в области образования завершились в 2015 году с публикацией основного доклада, подготовленного

на английском и на турецком языках, озаглавленном "*Discrimination Based on Colour, Ethnic, Origin, Language, Religion and Belief in Turkey's Education System*" [62]. Доклад и его презентация на пресс-конференции привлекли много внимания со стороны средств массовой информации, гражданского общества и членов парламента. Пропаганда на основе этого доклада является продолжающейся с целью продемонстрировать, что дети из числа меньшинств в Турции имеют такое же право на образование, как любые другие дети. В то же время, в Уганде, была разработана небольшая программа, чтобы дать возможность детям посещать школы в 20 районах. Эта программа оказала заметное воздействие на ситуацию в этом регионе, что приводит, например, к осязательному сокращению числа необразованных детей.

Что касается защиты сообществ, находящихся под угрозой и гонимых за их принадлежность к меньшинству, то основной акцент делается на Ближний Восток, хотя в некоторых работах также рассматривались похожие ситуации в Азии и России. Основная работа организации по этой теме была сосредоточена в Ираке, но также MRG прилагала усилия, чтобы помочь группам меньшинств в Йемене, несмотря на сложную ситуацию в этой стране. Однако, в Йемене организация была вынуждена частично приостановить текущую работу, так как началась война. Но несмотря на это, члены MRG продолжали документировать и поддерживать ситуацию, что даже данные, собранные MRG, были детально проанализированы и использованы в различных материалах, опубликованных ООН по правам человека.

Организация MRG по-прежнему выступает за то, чтобы права меньшинства и коренных народов были официально представлены в конституциях избирательных системах. В 2015 году работа организации в этой сфере была в значительной степени сосредоточена на случае Боснии и Герцеговины, где MRG выступала за эффективное осуществление Европейского суда по правам человека (*the European Court of Human Rights' Sejdic and Finci judgement*). Теперь организация стремится перейти на следующий уровень путем обеспечения эффективного включения религиозных и этнических меньшинств в политическую жизнь страны. А также, после более чем 7 лет борьбы за небольшую, маргинальную общину Wayeyi, проживающую в основном вдоль реки Окаванго, усилия группы MRG все-таки окупились, и права этих людей были официально признаны. Это решение имеет большое значение не только для сообщества MRG, но и для всей страны с признанием ее богатого культурного разнообразия (более 38 племен на территории), чтобы не допустить, что остальные племена испытывали бедность, потерю культуры и языка [62].

MRG также рассматривала некоторые проблемы, с которыми сталкивались жители России. В 2015 г. разработанные программы достигли больших результатов (т.к. ряд рекомендаций, предложенный организацией, широко использовался для улучшения ситуации и сплочения народов на территории РФ), несмотря на ограничения в передвижении членов группы по стране. Были опубликованы документы, предоставляющие краткий обзор настоящей ситуации в отношении соблюдения прав меньшинств и коренных народов в России. В них были исследованы сложности применения международных механизмов для защиты меньшинств и коренных народов, делая акцент на Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, разработанной в Совете Европы, хотя и другие международные стандарты (установленные ОБСЕ и Организацией Объединенных Наций) также были приняты во внимание. К тому же, для поддержания усилий, предпринимаемых в России, MRG опубликовала и широко распространила инструментарий в формате CD-ROM для активистов, работающих в области прав меньшинств (на русском языке) [63].

Если суммировать достижения Migration Rights Group, то можно уверенно утверждать, что она находится на правильном пути. Все основные цели группы за 2013-2016 гг. были достигнуты, а также она добились значительного развития на международном уровне. Теперь организация фокусируется на второй, не менее важной цели: разрешение тяжелых ситуаций у людей, проживающих в странах Ближнего Востока и Северной Африки, так как жизнь меньшинств на этих территориях продолжает быть по-настоящему сложной. Это заставляет членов организации работать еще больше, чтобы гарантировать, что нарушение прав человека и злоупотребление этим не останется незамеченным [62].

Более того, плана, по которому организация работала в течение последнего года, было невозможно придерживаться в определенном ряде стран, вынуждая членов группы быстро адаптироваться к происходящей ситуации, а в некоторых случаях даже приостанавливать (в Йемене, например). Кроме того, Minority Rights Group должна была внести существенные изменения в существующие программы в Доминиканской Республике, Египте, Марокко и Тунисе для того, чтобы они лучше подходили для сложившихся ситуаций на данных территориях [61].

Также MRG имеет большой список задач на ближайшее время, что способствует тому, что опыт организации продолжит расти, а это в свою очередь позволит им противостоять новым вызовам и помочь большему количеству человек.

Заключение

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что усиление чувствительности политической сферы к проблемам прав меньшинств в самых разных регионах и странах является закономерной реакцией на процесс перманентного нациестроительства [1]. В условиях демографической и экономической зависимости от иммиграционного притока, а также актуализации новых типов лояльности, в том числе транснациональных, даже те государства, где процесс нациестроительства казалось бы давно приобрел устойчивые формы, вынуждены осуществлять символическую пересборку конструкта «национальной общности». Этнокультурная (само)идентификация сопряжена с наиболее существенными рисками радикализации, поскольку, в отличие от большинства других видов «чувства принадлежности» к культуре меньшинства, она продуцирует стремление к политической автономии. Несмотря на конкуренцию с наднациональными, межправительственными и международными неправительственными организациями, государство по-прежнему играет центральную роль в сфере межэтнических отношений, поскольку является ключевым адресатом запроса на признание со стороны меньшинств.

В течение последних тридцати лет представители либеральной политической теории предлагают разные нормативные ответы относительно оптимальной позиции государства в отношении аккомодации этнокультурного разнообразия. Несмотря на разность подходов – от эгалитаристского до либертарианского, большинство теоретиков указанного управления согласны с тем фактом, что презумпция «нейтральности» общественных институтов в отношении этнокультурной принадлежности является не более чем фикцией. Даже в наиболее либеральных режимах невозможно игнорировать вопрос об официальном языке, национальных праздниках (в том числе, религиозного характера) и содержания учебных программ (в последние десятилетия ведутся особенно острые дискуссии относительно европоцентризма образовательной системы)

В описанных условиях либеральные режимы вынуждены балансировать между несколькими видами стратегии в сфере межэтнических отношений: (а) ассимиляцией; (б) мультикультурализмом и (в) гражданской интеграцией интеграция. Маргинализация дискурса мультикультурализма в последние десятилетия происходит в значительной степени из-за того, что он ассоциируется с такой формой признания инакости, которая продуцирует изоляцию различных сообществ друг от друга – отсутствие общего языка и нормативности. Однако если принять точку зрения Уила Кимлики, согласно которой мультикультурализм является инклюзивной практикой, нацеленной на включение многообразных сообществ в общую социетальную культуру (систему публичных

институтов), то между позициями (б) и (в) нет существенных противоречий [20]. Кимлика настаивает на том, что существуют разные способы защиты этнокультурных меньшинств. С одной стороны, существуют «внутренние ограничения» – наделение представляющих сообщества лидеров правом вести иллиберальную политику в целях сохранения «национальной культуры». Возражая против такого понимания мультикультурализма, он тем не менее резервирует подобное право за отдельными меньшинствами – в частности, «туземными» – например, канадскими индейцами, которые в течение длительного времени были подвержены дискриминации со стороны федерального правительства, и сейчас заслуживают право на невмешательство. Такой тип свободы меньшинств можно трактовать как «негативный», то есть «свободу от». Однако Кимлика утверждает, что существует и «позитивная свобода» в отношении между государством и меньшинствами, которая выражается в так называемой «внешней защите» – то есть символической и материальной поддержке, оказываемой правительством по отношению к тем, кто в меру исторических причин испытывает на себе бремя неравенства.

Кимлика выделяет две основные группы этнокультурных меньшинств: «автохтонные», которые, в свою очередь, подразделяются на субнациональные (например, квебекцы), а также туземные (индейские сообщества); и «аллохтонные» – то есть мигрантские сообщества. Последние Кимлика делит на иммигрантов – людей, переселившихся в другую страну с целью получения гражданства, «метеков» – временных работников и вынужденных мигрантов (беженцев). В отношении каждой из этой категорий, с его точки зрения, государство должно проводить особую политику [1]. Если «автохтонные» меньшинства могут притязать на мультинациональные права в таких сферах, как (а) язык официальной коммуникации; (б) местное самоуправление; (в) образование; (г) полицейские ведомства; (д) налогообложение; (е) политическое представительство на федеральном уровне, то с этнокультурными меньшинствами (так Кимлика именуется иммигрантские сообщества) дело обстоит иначе. Поскольку иммигранты не претендуют на формирование собственной политической системы, усилия государства должны быть нацелены на то, чтобы обеспечить для них максимально эффективную институциональную адаптацию. Последняя становится возможной посредством реформы школьных программ, борьбы с этническими стереотипами в медиа; тренингов, предназначенных для работников общественных институтов, нацеленных на аккомодацию культурных различий, а также финансирования культурных мероприятий, способствующих укреплению толерантности.

Соответственно механизмы предотвращения межэтнической напряженности могут быть классифицированы следующим образом:

I. В сфере политического участия:

«позитивная дискриминация» – усиление присутствия иммигрантов в образовательных и экономических институтах;

совещательные органы власти – резервирование мест для представителей иммигрантских сообществ в общественных советах;

II. Создание комфортной среды для интеграции иммигрантов в систему общественных институтов:

реформа содержания образовательных программ – они должны отражать вклад иммигрантов в культуру принимающей страны;

пересмотр рабочих графиков с учетом национальных праздников;

пересмотр дресс-кода в общественных институтах;

образовательные программы для «принимающего общества», нацеленные против расизма;

кодификация притеснений на работе – борьба с ксенофобией;

тренинги для полиции и работников здравоохранения относительно взаимодействия с мигрантами;

правительственные методические рекомендации для освещения темы межнациональных отношений в медиа;

проведение этнических фестивалей и исследований в области этнокультурного разнообразия;

III. Меры для долгосрочной интеграции:

Предоставление услуг для взрослых иммигрантов на родном языке;

Двуязычные программы для детей мигрантов в начальной школе.

Для предотвращения межэтнической напряженности следует работать с негативной реакцией на политику мультикультурализма в отношении иммигрантов, а не отказывать в последним в легитимных требованиях, касающихся более справедливых условий для интеграции. Проблема негативного восприятия мультикультурализма во многом зиждется на (а) смешении иммигрантских сообществ с временными резидентами и работниками; (б) восприятии мультикультурализма как основной формы политики аккомодации этнокультурных различий, в то время как это лишь дополнение к требованиям интеграции в социальную культуру мейнстрима. Основная задача мультикультурализма заключается в том, чтобы избежать создания депривированного андеркласса. Более того, как

показывают продемонстрированные нами в работе примере многие западные государства (будь то Великобритания, Германия или Нидерланды) вопреки официальной риторике, в которой «мультикультурализм» приобретает негативные коннотации продолжают на практике проводить меры, которые можно смело отнести именно к этой модели взаимодействия с этнокультурными меньшинствами.

На примере Соединенных Штатов мы продемонстрировали то обстоятельство, что несмотря на разнообразие национального происхождения, представители второго поколения иммигрантов, как правило учатся лучше, чем их сверстники в стране происхождения; заканчивают среднюю школу и собираются поступать в колледж; говорят по-английски без акцента; предпринимают первые шаги в направлении самостоятельного предпринимательства и начинают формировать свои собственные семьи. Тем не менее, эта общая положительная картина не отменяет проблемы, с которыми сталкиваются многие люди из второго поколения иммигрантов и аномалий в процессах адаптации. Значительный сегмент молодых людей попадают в сегменты рынка труда, характеризующиеся низкими доходами, а также чаще подвержены насилию со стороны правоохранительных органов, что свидетельствует о значимости фактора дискриминации, основанной на предубеждении.

Примечательно, что в настоящее время существенные вклад в обеспечение прав меньшинств вносят и международные организации, что было продемонстрировано на примере Minority Rights Group. MRG подготовила новую 4-летнюю стратегию, которая была запущена в начале 2017 года. Члены MRG ответственно подошли к этому вопросу, проводя обширные консультации с этнокультурными сообществами, международными организациями, а также организациями, ставящими себе похожие цели. Все это организовывалось, чтобы собрать новые мнения и отзывы о том, в каких местах действительно необходима помощь группы и на каких вопросах члены MRG должны сосредоточить свое внимание. Организация Minority Rights Group делает все для достижения необходимых и долгосрочных изменений для меньшинств и коренных общин, чтобы люди чувствовали себя спокойно и защищенно во всех уголках земли. Отметим также, что в международном мониторинге положения этнических меньшинств активно участвует целый ряд высокопрофессиональных российских неправительственных организаций активно, которые предоставляют информацию для Совета Европы, ООН и ОБСЕ. Так, Ассоциация коренных, малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации также является членом разных международных органов.

Также мы проследили динамику отношений между «нациоформированием» и культурным разнообразием в России на протяжении трех последних периодов ее истории.

Как мы видели, в имперский период культурное разнообразие носило «естественный» характер – не только потому, что контролируемая российским государством территория была слишком неоднородной в этническом и конфессиональном отношении, но и по политическим причинам. А именно: власти не имеют программы по гомогенизации населения – поначалу в силу относительной индифферентности к культурным различиям, затем из-за недостатка ресурсов для ассимиляции нерусской периферии.

В советской России (как и СССР в целом) культурное разнообразие было скорее вынужденным. Такой характер оно носило, опять-таки, как в силу объективных географических и демографических причин, так и по политическим или, если угодно, политико-идеологическим причинам. В определенной мере отношение к культурному разнообразию в советское время было парадоксальным: власти пытались его преодолеть, поощряя его.

Меры по культурной унификации населения, т.е., по сути, по преодолению культурного разнообразия, сопровождались мерами по его развитию. Такому развитию способствовала, прежде всего, институционализация этничности (не только на союзном уровне, но и на уровне отдельных республик, РСФСР в частности). Коммунисты немало сделали для того, чтобы сформировать «советского человека»; но они же немало сделали для того, чтобы укрепить национальное самосознание нерусских групп.

Культурное разнообразие постсоветской России – разнообразие оспариваемое. Оно существует как факт (обусловленный неоднородностью населения), но этот факт признается неохотно. Значительной части сегодняшних российских элит, равно как и большинству простых граждан свойственна некая ассимиляционистская одержимость. С одной стороны, существует официальная риторика многокультурности², носящая скорее ритуальный, инерционный характер. С другой стороны, налицо явное нежелание смириться с этой многокультурностью. Проявления культурного разнообразия воспринимаются в лучшем случае как неизбежное зло. В множественности, плюральности культурного пространства видят угрозу (появилось даже специальное выражение с неясным значением: «этнокультурная безопасность»). Разнообразие готовы терпеть в той мере, в какой оно исторически обусловлено и привязано к определенным территориям, но по отношению к разнообразию, обусловленному иммиграцией – толерантность практически нулевая. От новоприбывших ожидают или полной культурной конформности – растворения в социокультурном мейнстриме – или выезда из страны. Равным образом приближается к

² Вплоть до слова «мультикультура» в устах первых лиц государства. Такое выражение («российская мультикультура») промелькнуло, в частности, в выступлении Д.А.Медведева на Ярославском форуме в сентябре 2011 г.

нулевой и толерантность социокультурного мейнстрима к меньшинствам, образующимся на идеологической и/или субкультурной основе. В режиме молчаливого консенсуса между властью и обществом, сложившимся весной 2014 г., принадлежность к таким меньшинствам не может быть истолкована иначе как отпадение от национального тела.

Важно подчеркнуть, что мигранты обладают различными формами лояльности: земляческой, родственной, региональной солидарности, образуя тем самым транснациональное сообщество. Интеграция в такое сообщество обеспечивает прибывающих мигрантов поддержкой, помощью, защитой, создает условия для эффективной миграции, позволяет сохранить человеческое достоинство и избежать социальной дезинтеграции. Важность сетей отмечалась многими исследователями. Так, в США интегрированные в эффективное сообщество мигранты из Китая гораздо менее подвержены бедам социальной дезорганизации (крайняя бедность, изоляция, болезни, преступность и т.п.), чем мексиканские мигранты, не объединенные в эффективное сообщество.

Важную роль в адаптации мигрантов играют религия и религиозные институты – сети, мечеть и религиозные общины. Основные функции религиозных институтов: целеполагание, ритуально-солидарная, социально-коммуникативная, сетевая, культурная, образовательная, функция взаимопомощи и благотворительности выполняются на фундаменте доверия и авторитета. Это исключительно важно для мигрантов. Именно эти качества способствовали тому, что мечети, религиозные общины и религиозные сети стали прибежищем мигрантов, предоставляющим им поддержку, защиту, стали инструментом адаптации и интеграции мигрантов в российское общество, предоставляя основные услуги, такие как трудоустройство, помощь в регистрации, поиск жилья, лечение, страхование и т.д.

Одновременно изменения институтов и организации религиозной жизни в миграции объективно создают благоприятные условия для распространения среди мигрантов новых, модернистских форм ислама, их отказа от традиционных локальных форм ислама и распространения глобалистского ислама. Все это создает вызовы для как для государств и обществ, так и для ислама.

Проблема миграции, как показала практика, с годами существенно не уменьшается, и, следовательно, общество испытывает объективные потребности в инновационных технологиях поликультурного образования. На уровне практически каждого территориального округа идет (точнее, должен активно идти) поиск условий и средств удовлетворения потребностей в образовании, адаптации, поддержке и защите различных

этнических общностей и отдельной личности учащихся мигрантов на основе диалога и взаимодействия культур. Разумеется, столь серьезная проблема требует системного подхода и объединения усилий нескольких отраслей науки и общественной жизни: теории педагогики работы с детьми-мигрантами; региональной, государственной и социальной политики в реализации прав и интересов детей-мигрантов; юриспруденции. Необходимо привлечение к проблеме обучения детей-мигрантов внимания со стороны государства и общественности, ведь это средство смягчения социально-психологической напряженности в условиях поликультурного социума. Преодоление противоречий между традиционными нормами поведения у детей-мигрантов и системой сложившихся социокультурных особенностей российского общества не должно быть делом одной только школы. Весь ряд общеобразовательных учреждений должен последовательно придерживаться модели обучения, ориентирующейся, с одной стороны, на уважительное отношение к культурному разнообразию, а, с другой стороны, на формирование гуманистически ориентированного мировоззрения.

Несмотря на то, что российский контекст по целому ряду причин существенно отличается от классических иммиграционных государств, а также то, что подход Кимлики в отношении дифференциации прав «автохтонных» и «аллохтонных» меньшинств видится крайне проблематичным, те принципы государственной политики, которые он предлагает в отношении интеграции иммигрантов с социальную культуру принимающей страны представляются справедливыми и релевантными стратегии долгосрочного устойчивого развития нашей страны.

Одну из наиболее существенных проблем, связанных с иммиграцией, эксперты усматривают в том, что выходцы из «нелиберальных» стран приносят в страны с либеральной культурой несовместимые с последней институты и практики. Отсюда проистекает призыв представителей определенного политического спектра существенно лимитировать иммиграционный приток из соответствующих стран, а также придать программам социокультурной интеграции более «ассимиляционистский» характер. Нам представляется необходимым высказать несколько соображений относительно подобной постановки вопроса.

Во-первых, либеральные политические режимы, ощутимым образом ограничивающие иммиграцию, ставят под сомнение конституирующие их принципы. Так, если свобода «выхода» из страны является неотъемлемым правом людей, пребывающих на ее территории, то попытки оправдать ограничения в праве на «вход» вряд ли будут конгруэнтны подлинно либеральному пониманию справедливости.

Во-вторых, в странах, которые принято называть полиэтническими и мультикультурными, обнаруживаются *автохтонные* меньшинства, чья социетальная культура характеризуется иллиберальными практиками – ограничением свободы членов соответствующей группы при наличии национально-культурной автономии. Отметим, что тенденция к наделению этих групп особыми правами проявлялась все более отчетливо в странах с либеральными режимами на протяжении последних пятидесяти лет. В некоторых из этих стран политика, проводимая в отношении автохтонных меньшинств, опробировалась и в отношении иммигрантских сообществ (Швеция и Нидерланды в 1970-1980-е годы), в других – проводилось вполне четкое различие между «внутренними» и «новоприбывшими» меньшинствами при известных послаблениях в адрес притязаний последних на сохранение культурной инакости в публичной сфере. Как бы то ни было, вполне очевидно, что подлинный вызов консенсусу относительно либеральных принципов в подавляющем большинстве случаев *исходит от автохтонных меньшинств*, поскольку именно они обладают легитимными претензиями на автономию – то есть на обладание собственной социетальной культурой с соответствующими институтами. В пределе такие претензии приводят к угрозе сецессии. Нивелировка этих угроз зачастую лежит в плоскости нахождения политического компромисса посредством рассредоточения власти между государством и национальной автономией [9]³. В современной истории едва ли найдутся примеры иммигрантских сообществ, чье существование ставило бы под сомнение суверенитет принимающих государств. В отличие от коренных народов, иммигранты не предъявляют требований предоставить им возможность образовать «нацию внутри нации». В случае с иммигрантами речь идет лишь о разных возможных траекториях аккомодации – взаимного приспособления друг к другу принимающего общества и новоприбывших [Приложение, Таблица 1].

В-третьих, те формы общежития, которые «приносят» с собой иммигранты вряд ли можно назвать «институтами» в полноценном смысле [20]. В литературе, посвященной рассматриваемой проблематике, под институтами понимается то, что относится к социетальной культуре, то есть публичной сфере. К последней, главным образом, относятся институты государственной службы и образования. В случае с иммигрантами речь не идет о формировании отдельных от национальной публичной сферы институтов. Напротив, как показывает практика, устремления мигрантов состоят в том, чтобы быть принятыми в

³ В некоторых случаях путем выхода из вызванного сепаратистскими тенденциями кризиса является федерализация государства.

систему доминирующих социетальных институтов⁴. Однако условия такого рода инклюзии как раз и становятся предметом оспаривания. В любом случае, проблему для принимающих стран представляют собой не транспонируемые иммигрантами «*институты*», а отдельные *практики*, несовместимые с либеральными принципами. Опыт *мягкой либерализации* такого рода практик уже показал свою успешность в контексте политик, которые полиэтнические либеральные государства проводили в отношении автохтонных меньшинств (Канада, Австралия, Новая Зеландия). Успешность указанной либерализации зависит не только от договороспособности обеих сторон, но и от самих рамок, в которых выстраивается диалог. Последний вряд ли будет успешен в том случае, если одна из сторон не будет чувствовать себя заслуживающим уважения равноправным участником.

Предоставление иммигрантским сообществам особых аккомодационных прав возможно в том случае, если основным критерием является отсутствие потерпевших. В случае особой чувствительности таких сообществ к определенным практикам изъятия из либеральных принципов возможны только при условии а) соблюдения четких договоренностей относительно рамок осуществления таких практик; б) понимания того факта, что уступки носят временный характер. Действительно, отдельные практики иммиграционных сообществ, которые принято называть «традиционными»⁵, ущемляют права индивида, подчиняя его тем самым «коллективной воле» сообщества. Однако опыт развитых стран показывает, что криминализация таких практик не приводит к их исчезновению. В результате сохраняется высокая степень риска, что наиболее уязвимые представители соответствующих сообществ будут подвергнуты этим практикам в «подпольных» условиях⁶.

Как бы то ни было, рассмотренные примеры показывают, что представители второго поколения иммигрантов успешно адаптируются к либеральной социетальной культуре в том случае, если система образования демонстрирует определенную гибкость в их отношении. Другим важным условием нивелировки межэтнической напряженности является проведение рефлексивной символической политики в отношении меньшинств –

⁴ Редкие исключения составляют малочисленные религиозные сообщества, чей тип социальной организации можно охарактеризовать, как «сектантский».

⁵ Например, браки по предварительной договоренности между семьями или женское обрезание.

⁶ В этом смысле показательным является пример медицинского центра Харборвью в Сиэттле, в адрес которого поступали запросы на проведение операций по женских половых органах со стороны отдельных представителей иммигрантских сообществ из Восточной Африки. Медицинский центр выступал с инициативой легализации такого рода операций, исходя из того, что в случае осуществления их центром вред здоровью представительниц этих сообществ был бы наименьшим. Кроме того, в качестве непреложного условия осуществления таких операций центр предлагал подписание договора о согласии на их проведение. В данном случае руководство центра руководствовалось императивом сохранения жизни девушек, которые рисковали быть подвергнутыми такой операции дома или в случае вывоза в страну происхождения.

недопущение игнорирования факта их вклада в культуру принимающей страны, с одной стороны, и избежание проведения непроницаемых разделительных линий между ними и «подавляющим большинством» – с другой [Приложение, Таблица 2].

Исходя из проведенного анализа, мы считаем необходимым сформулировать следующие *рекомендации прикладного характера*, которые видятся нам наиболее релевантными российскому контексту:

1. Существенный вызов для сферы межэтнических отношений представляет собой принудительное исключение национальных меньшинств и иммигрантских сообществ. Причиной такого рода исключения зачастую является недостаточная степень защиты со стороны государства. Насилие на этнической почве усиливается в том случае, если потенциальные погромщики чувствуют безнаказанность из-за отсутствия бдительности со стороны правоохранительных органов. Выходом из этой ситуации является острастка тех, кто декларирует необходимость насилия в отношении меньшинств, а также повышенное внимание государства к такого рода преступлениям.

2. Что касается волнений, в которых задействованы представители мигрантских сообществ, то но необходимо понимать, что даже самые внешне благополучные города не застрахованы от них. Все контрмеры можно разделить на 2 группы по времени применения: краткосрочные и долгосрочные. Как правило восстания не происходят внезапно, условия для них складываются годами, но с определенного момента бунт становится практически неизбежным, так как в связи с высокой степенью энтропии рано или поздно повод найдется, какие бы меры для его предотвращения не принимались. В связи с этим, упреждающие меры должны быть сфокусированы на борьбе с причинами, способными побудить людей к бунту.

К долгосрочным мерам можно отнести следующие:

- работа с городской средой в районах, населенных жителями с низким достатком. Как правило, в таких районах проживает большой процент мигрантов. Они являются группой риска так как помимо низкого достатка как правило испытывают проблемы с интеграцией в общество.

- обеспечение подавляющего числа жителей таких районов постоянной работой, организация досуговой инфраструктуры, ориентированная на интеграцию в общество;

- создание каналов коммуникации жителей с властями и городскими службами, чтобы повысить уровень доверия между ними, и обеспечить решения вопросов в стадии, когда они не доходят до насилия.

- создание муниципальных служб полиции, состоящей в том числе и из мигрантов.

Главной задачей этого комплекса мер является выстраивание доверия на всех уровнях общества и в его коммуникации с властью. Таким образом, для политиков у власти критически важно выполнять свои обещания. Кроме того, статистика показывает, что урезание расходов на социальные сервисы и программы серьезно повышает риск восстания. В тоже время, введение новых налогов практически не влияет на эту вероятность. Из этого можно сделать вывод, что медленное повышение налоговой нагрузки с поддержанием оказываемого уровня услуг является эффективной мерой, способной компенсировать высокие изначальные затраты на программы интеграции и обеспечения новоприбывших достойным жильем.

Что касается краткосрочных мер то в каждой конфликтной ситуации необходимо:

- незамедлительно установить контакт с бунтующими и действовать в первую очередь ориентируясь на сведение насилия минимуму. В этой связи выглядит разумным ограниченное применение полицейских сил и ставка на позитивные силы общества, способные предложить альтернативные погромам мероприятия.

- дать понять выступающим, что их услышали. Крайне не рекомендуется пытаться маргинализировать восставших в глазах широкой общественности, это ведет к углублению раскола в обществе, и усилению дискриминации, которая в свою очередь зачастую провоцирует новые восстания.

- не оставлять безнаказанными погромщиков. Однако большинству из них стоит назначить общественные работы в качестве наказания, и лишь самым буйным, нанесящим вред здоровью человека или замеченным в мародерстве, стоит назначить наказания в виде лишения свободы.

Учитывая, что, как правило, даже в случае если власти эскалируют конфликт с помощью физической силы протесты длятся не более 4-5 дней описанного комплекса мер должно быть достаточно, чтобы закончить их за 2-3 дня, и перевести диалог в ненасильственное русло.

3. Принудительное исключение возникает и вследствие блокировки доступа к системе общественных институтов. В российском случае такого рода блокировка возникает по причине бюрократического произвола. Одной из наиболее чувствительных сфер в данном случае является система школьного образования. Из-за приказа Министерства образования и науки РФ №32 от 22.01.2014, в соответствии с которым, от детей требуют представить подтверждение регистрации для поступления в школы (что противоречит Конституции), многие выходцы из мигрантских семей лишаются возможности проходить обучение.

Второе поколение мигрантов в России лишь вступает в социальную жизнь, однако имеющиеся исследования⁷, показывают, что дети мигрантов не выдвигают требований относительно особых культурных прав. Напротив, большинство из них демонстрируют скорее «ассимиляционистские тенденции». Однако их интеграции препятствует неготовность системы образования адаптироваться к их нуждам – отсутствие специальных программ психологической подготовки для учителей и других школьных работников. Более того, в отдельных школах Москвы и Подмосковья обнаруживаются практики формирования классов на основе этнической принадлежности, которые очевидным образом затрудняют процессы интеграции.

4. Российский контекст межнациональных отношений отличается от западного тем, что права индивида не обладают в нашей стране той же степенью легитимности, что и в ключевых иммиграционных странах. Отсюда проистекает необходимость не только акцентировать внимание на политике мирного общежития между «народами», но и воздействовать на распространение «нежелательных институтов» через усиление института прав человека. Нам представляется, что проблема в данном случае исходит не только (и не столько) от иммигрантов, но и от национальных автономий. Выходом из ситуации доминирования «групповых интересов» над правами индивида является *поэтапная либерализация соответствующих практик, основанная на системе взаимных договоренностей и распространении механизмах «мягкой силы», в первую очередь, просветительского характера*. Особая защита со стороны государства должна предоставляться так называемым «отступникам» – тем, кто порывает с «доминирующими традициями» своего сообщества. Следует проявлять особую бдительность к любым видам насилия над людьми, которые могут пострадать за отличные от представлений большинства взгляды.

5. В области символической политики весьма важной представляется проблема коммеморации. Презентация тех или иных исторических событий (национальные праздники, открытие тех или иных памятников) должна иметь в виду реакцию на нее всех возможных групп идентичности. Как бы то ни было, символическая политика не является игрой с нулевой суммой. Важным критерием здесь является отсутствие интенции выстраивать позитивный образ одних сообществ «за счет» других. Отдельного внимания заслуживает работа государства со СМИ в целях избегания стигматизации иммигрантских сообществ.

⁷ Одно из них в настоящий момент проводится Институтом социальной политики НИУ ВШЭ.

6. Административная политика в сфере межнациональных отношений является одной из наиболее чувствительных. Поэтому следует проявлять особую осторожность при разработке соответствующих законов. Те или иные способы официального «означивания» определенных групп могут быть предметом серьезного оспаривания. Кроме того, закрепление за теми или иными группами названий и статусов, производимое «сверху» административными способами, может создавать препятствия для кооперации между представителями этих групп, осложнению взаимопонимания между ними. Попадание в разряд той или иной привилегированной группы является ощутимым ресурсом власти. По этой причине политика официального признания необходима лишь в экстренных случаях. Вместо прочерчивания тех или иных административных границ между сообществами следует предоставить их представителям возможность создавать добровольные горизонтальные ассоциации, самостоятельно артикулировать свои интересы.

7. Самоорганизация этнокультурных групп и возможности артикуляции интересов являются одним из наиболее проблематичных вопросов, относящихся к сфере межэтнических отношений в нашей стране. Зачастую право представлять интересы той или иной «национальной группы» перед лицом органов власти монополизировано организациями, с которыми удобно и привычно взаимодействовать соответствующему уровню власти. Такая ситуация тем не менее чревата игнорированием низового запроса, игнорирование контекста происходящего «на местах». Выходом из нее может послужить *диверсификация каналов доступа к институтам власти*. Увеличение числа признаваемых государством организаций, стремящихся представлять интересы одного и того же сообщества, во многих случаях позволяет *сместить акцент с межэтнической напряженности на внутригрупповую конкуренцию*. Кроме того, присутствие представителей коренных народов и людей иммигрантского происхождения в ведущих политических партиях может способствовать обеспечению обратной связи между государством и соответствующими этнокультурными группами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Kymlicka, W. (2002) Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe in *Can Liberal Pluralism be Exported? Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe*. Ed. by Will Kymlicka and Magda Opalski, Oxford: Oxford University Press, pp. 13-106.
- 2 Ossipov, A. (2002) Some Doubts About 'Ethnocultural Justice' in *Can Liberal Pluralism be Exported? Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe*. Ed. by Will Kymlicka and Magda Opalski, Oxford: Oxford University Press, pp.171-184.
- 3 Opalski, M. (2002) Can Will Kymlicka Be Exported to Russia? in *Can Liberal Pluralism be Exported? Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe*. Ed. by Will Kymlicka and Magda Opalski, Oxford: Oxford University Press, pp.298-316
- 4 Alexseev, M.A. "Majority and Minority Xenophobia in Russia: The Importance of Being Titulars," *Post-Soviet Affairs* 26, 2 (2010): 101.
- 5 Демурин М. О «российской нации», русском народе и межнациональном согласии. РИА-Новости, 02.11.2016. <https://ria.ru/analytics/20161102/1480543704.html>
- 6 Российская нация получит закон. Перебежчик, 01.11.2016. <http://perebezhchik.ru/mneniya/5235.html>
- 7 Гальперович Д. «Закон о российской нации»: эксперты о новой инициативе Кремля. 01.11.2016. <https://www.golos-ameriki.ru/a/dg-russian-nation-law-experts/3574824.html>
- 8 Fearon, J.D. and Laitin, D.D. (2000), *Violence and the social construction of ethnic identity*, in: *International Organization*, 54, 4, 845-877.
- 9 Horowitz, D. (1985), *Ethnic Groups in Conflict*, Berkeley: University of California Press.
- 10 Kasfir, N. (1976), *The Shrinking Political Arena. Participation and Ethnicity in African Politics with a Case Study of Uganda*, Berkeley: University of California Press.
- 11 Брубейкер Р. (2012) Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- 12 Bussmann, M., Hasenclever, A. and Schneider, G. (2009), *Identität, Institutionen und Ökonomie: Ursachen und Scheinursachen innenpolitischer Gewalt*, in: Bussmann, Margit, Andreas Hasenclever, and Gerald Schneider (eds.), *Identität, Institutionen und Ökonomie. Ursachen innenpolitischer Gewalt*, Wiesbaden: VS Verlag, 9-38.
- 13 Bauman, Z. (2001) *The Great War of Recognition, Theory, Culture and Society* 18 (2-3):137-150.
- 14 Gurr, Ted R. (2000), *Peoples versus States: Minorities at Risk in the New Century*, Washington D.C.: United States Institute of Peace.
- 15 North, D.C. (1990), *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*, Cambridge: Cambridge University Press.

- 16 Helmke, G. and Levitsky, S. (2006), Introduction, in: Helmke, Gretchen, and Steven, Levitsky (eds.), *Informal Institutions and Democracy. Lessons from Latin America*, Baltimore: The John Hopkins University Press.
- 17 Song, S. (2014), "Multiculturalism", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, Edward N. Zalta (ed.), URL: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2014/entries/multiculturalism/>>
- 18 Кимлика У. *Современная политическая философия: введение*. – М.: Изд. Дом Гос. Ун-та – Высшей Школы Экономики, 2010.
- 19 Kymlicka, W. (1989) *Liberalism, Community and Culture*. Oxford University Press.
- 20 Kymlicka, W. (1995) *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*. Oxford University Press.
- 21 Taylor. Ch. (1994) "The Politics of Recognition" in *Multiculturalism* (Edited and introduced by Amy Gutmann). Princeton University Press.
- 22 Малахов В. С. (2001) «Скромное обаяние расизма» и другие статьи. – М.: Модест Колеров и «Дом интеллектуальной книги».
- 23 Малахов В. (2014) *Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций*. М: Новое литературное обозрение, ИФ РАН. 2014.
- 24 Ayelet Shachar. *Citizenship* // *The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law*. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199578610.013.0050
- 25 Office for National Statistics, <https://www.ons.gov.uk>
- 26 Notting Hill Riots 1958. Exploring 20th Century London. <http://www.20thcenturylondon.org.uk/notting-hill-riots-1958>
- 27 The Bristol Bus Boycott of 1963. Black History Month. <http://www.blackhistorymonth.org.uk/article/section/bhm-heroes/the-bristol-bus-boycott-of-1963/>
- 28 White, L. (1994) *The History of Blacks in Britain*. Socialist Alternative. <https://www.socialistalternative.org/panther-black-rebellion/history-blacks-britain-slavery-rebellion/>
- 29 Andrews, K. (2015) *The Guardian*, <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/dec/08/50-anniversary-race-relations-act-uk-prejudice-racism>
- 30 Burnet, J. (2016) *Racial Violence and the Brexit State*, Institute of Race Realtions. <http://www.irr.org.uk/app/uploads/2016/11/Racial-violence-and-the-Brexit-state-final.pdf>
- 31 Engel, V. (2015) *Xenophobia, Discrimination and Aggressive Nationalism*. Report. OSCE. www.osce.org/odihr/188601?download=true

- 32 Przybysze z bliska i z daleka, czyli j immigrantach w Polsce (2015) Fundacja Centrum Badania Opinii Społecznej http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2015/K_093_15.PDF
- 33 Межнациональные отношения: мониторинг. Как респонденты относятся к иноэтничным россиянам? Видят ли в многонациональности России проблему? (2014) ФОМ. <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11876>
- 34 Hunyadi, B. and Molnár https://freedomhouse.org/sites/default/files/July12016_xenophobia_final_brief_FH.pdf C. (2016) Central Europe's Faceless Strangers: The Rise of Xenophobia. Freedom House.
- 35 Пипия К. (2015) Ксенофобия и национализм. Левада-Центр. <http://www.levada.ru/2015/08/25/ksenofobiya-i-natsionalizm/>
- 36 Ростовская область: отношение к украинским беженцам. ФОМ спросил жителей Ростовской области об их отношении к беженцам из Украины (2015) ФОМ. <http://fom.ru/Mir/12188>
- 37 Россия: мартовские проблемы. Пресс-выпуск №2804. ВЦИОМ. 31.03.2015. <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115209>
- 38 Проблемы страны и как их решать. Пресс-выпуск №2776. ВЦИОМ. 17.02.2015. <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115151>
- 39 Тревожащие проблемы и претензии к правительству. Левада-Центр. 16.03.2015. <http://www.levada.ru/16-03-2015/trevozhashchie-problemy-i-pretenzii-k-pravitelstvu>
- 40 В Перми возбуждено уголовное дело по факту экстремизма при попытке массовой драки. Regnum. 27.01.2014. www.regnum.ru/news/1759083.html
- 41 МВД РФ <https://mvd.ru>
- 42 Brubaker, R. (2001) The return of assimilation? Changing perspectives on immigration and its sequels in France, Germany, and the United States. *Ethnic and Racial Studies*, Volume 24, Issue 4, pp.531-548.
- 43 Feeley Malcolm M. *Complex Politics* // *The Oxford Handbook of Legal Studies*.
- 44 UN World Demographic trends UN <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/211/01/PDF/N1421101.pdf?OpenElement> (дата обращения: 1.10.17).
- 45 World bank data 2016 <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS> (дата обращения 1.10.17).
- 46 Eurostat Gini index <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do> (дата обращения 1.10.17).
- 47 Haddad, B., Balz, M. (2006) The October Riots in France: A Failed Immigration Policy or the Empire Strikes Back? // *International migration*, №44, pp.23-34.

- 48 Laachir, K. (2007) France's 'Ethnic' Minorities and the Question of Exclusion // Mediterranean politics, №12, pp. 99-105.
- 49 Duprez, D. (2009) Urban Rioting as an Indicator of Crisis in the Integration Model for Ethnic Minority Youth in France // Journal of Ethnic and Migration Studies, №5, pp. 753-770.
- 50 Subramanian, D. (2005) France: Riots and the Immigrant Community // Economic and Political Weekly. 2005. №40. <http://www.epw.in/journal/2005/49/commentary/france-riots-and-immigrant-community.html>
- 51 Kustermans, J. (2014) Unrest in the City: What can the riots in Stockholm teach us? Flemish Peace Institute. https://www.flemishpeaceinstitute.eu/sites/vlaamsvredesinstituut.eu/files/files/reports/report_unrest_in_the_city.pdf
- 52 Gini index World Bank Data <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI> (дата обращения 1.10.2017)
- 53 No country for old men: Canada used to prize immigrants who would make good citizens. Now people with job offers have jumped to the front of the queue. The Economist, 08.01.2015. <http://www.economist.com/news/americas/21638191-canada-used-prize-immigrants-who-would-make-good-citizens-now-people-job-offers-have>
- 54 Куропятник А.И. (2000) Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ.
- 55 Boyle, M.H., Kimber M.S., Rana, A. (2011) "Childhood Immigration and Acculturation in Canada". McMaster University & Offord Centre for Child Studies, Canada. <http://www.child-encyclopedia.com/immigration/according-experts/childhood-immigration-and-acculturation-canada>
- 56 Evaluation of the Immigrant Settlement and Adaptation Program. Government of Canada. 2005. <http://www.cic.gc.ca/English/resources/evaluation/isap/index.asp>
- 57 Jiménez, Tomás R. (2007) "From Newcomers to Americans: An Integration Policy for a Nation of Immigrants," (policy paper) Immigration Policy In Focus, 5(11). Immigration Policy Center, a division of the American Immigration Law Foundation, Washington, DC
- 58 Jiménez, T.R. (2011) Immigrants in the United States: How Well Are They Integrating into Society? Report. Migration Policy Institute. <http://cru.princeton.edu/workingpapers/WP98-03-McCarthy.pdf>
- 59 Portes, A. and Rumbaut, R.G. (2016) The Second Generation in Early Adulthood: New Findings from the Children of Immigrants Longitudinal Study. Migration Policy Institute. <http://www.migrationpolicy.org/article/second-generation-early-adulthood-new-findings-children-immigrants-longitudinal-study>
- 60 Wilmes, M. and Sürig, I. (2015) The Integration of the Second Generation in Germany. Results of the TIES Survey on the Descendants of Turkish and Yugoslavian Immigrants. IMISCOE

Research. <http://www.imiscoe.org/publications/library/2-imiscoe-research-series/78-the-integration-of-the-second-generation-in-germany>

61 Minority Rights Group. Annual Progress Report, 2015. <http://minorityrights.org/wp-content/uploads/2015/06/Annual-Report-2015-Final-Version.pdf>

62 Minority Rights Group International. Strategy 2013-2016. http://minorityrights.org/wp-content/uploads/2015/06/MRG_Strategy2013_ONLINE.pdf

63 Minority Rights Group International. Strategy 2017-2020 <http://minorityrights.org/our-strategy>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тип требования	Примеры	Риски
1. внешние ограничения свобод «сохранение и воспроизводство» культуры	Квебек (английский язык и иммиграция), коренные народы (ограничение избирательных прав не-членов)	маргинализация, ограничение экономических возможностей
2. внутренние ограничения индивидуальных свобод (семейный кодекс)	религиозные сообщества (амишы, меннониты, староверы)	систематическое нарушение прав человека – меньшинства внутри меньшинств
3. самоуправление в отдельных сферах	образование (мусульманские сообщества в Британии; южные штаты – испаноязычные сообщества)	неравномерность распределения прав между группами

Аккомодация

Тип требования	Примеры	Риски
<p>1. языковые права: избирательные бюллетени; элементы двуязычного образования; представительство интересов в суде</p>	<p>поправки Конгресса США к Акту о правах избирателей (1975 и 2006 годов); франкофоны в Канаде</p>	<p>бюджетные средства</p>
<p>2. изъятия из законодательства: дресс-код, рабочий график, медицина; природопользование; права собственности; служба в армии</p>	<p>сикхи в Канаде; французский кейс с платками; Сиэтл – Harborview Medical Center</p>	<p>неравномерность распределения прав между группами</p>
<p>3. государственное финансирование этнокультурных практик</p>	<p>финансирование организаций, медиа, фестивалей и т.п. (Швеция и Голландия в 70-е-80-е)</p>	<p>социальная фрагментация из-за усиления этнических идентичностей</p>

Политическая и символическая сферы		
Тип требования	Примеры	Риски
политическое представительство: гарантированное и облегченное, совещательные комитеты	избирательные округа в США (афро-американцы); Верховный суд Канады; National Consultation Structure for Minorities (Голландия)	политизация этничности; закрепление символических границ; «патент» на аутентичность
названия групп, гос. праздники, коммеморация, учебники истории, официальные извинения	греко-австралийцы и македонцы в Австралии в 1994 году	игра с нулевой суммой

Таблица 1 Основные виды требований этнокультурных сообществ

Тип вызова	Причина	Меры
<p>1. Принудительное исключение</p> <p>1.1. Отказ этнокультурным меньшинствам в защите со стороны государства;</p> <p>1.2. Блокировка доступа к системе общественных институтов.</p>	<p>1.1. Частное насилие и погромы как результат ощущения безнаказанности, молчаливого согласия, недостаточного внимания полиции;</p> <p>1.2. Бюрократический произвол (Приказ Минобра о прописке); отказ в предоставлении легального статуса.</p>	<p>1.1. Обеспечение повышенной защиты в случае обнаружения угрозы на ранних стадиях, острастка потенциальных погромщиков;</p> <p>1.2. Регуляционные программы и амнистии;</p>
<p>2. Принудительное включение</p>	<p>2. Представление о совпадении границ публичной сферы и «культуры» большинства; не-нейтральность публичной сферы.</p>	<p>2.1. Дифференциация требований интеграции мигрантов (временные иностранные работники);</p> <p>2.2. Увеличение каналов доступа к общественными институтам (финансирование соответствующих программ, тренинги для сотрудников гос. учреждений);</p> <p>2.3. Аккомодационные права в случаях повышенной чувствительности (общие институты – критерий отсутствия потерпевших);</p> <p>2.4. Предоставление возможности выбора в случаях с автохтонными сообществами (кочевые школы).</p>

Тип вызова	Причина	Меры
3. Внутренние ограничения свобод	3.1. Криминализация традиционных практик и их де-факто воспроизводство в случае с мигрантами (семейный кодекс) versus 3.2. Неподконтрольность сообществ в случае с национальными автономиями; 3.3. Преследование «отступников».	3.1. <u>Временные</u> изъятия из законодательства при условии «мягкой» либерализации – формализация согласия индивидов; 3.2. Нахождение альтернативных форм арбитража – региональный или наднациональный уровень; 3.3. Защита «отступников» со стороны полиции.
4. Внешние ограничения свобод	4.1. Особые права автохтонных меньшинств на «сохранение культуры» – ограничение прав аутсайдеров; 4.2. Посягательства на права аутсайдеров, в т.ч., на свободу слова (карикатуры и пр.);	4.1. Смежная компетенция в вопросах миграционной политики (уровни власти); 4.2. Создание институтов посредничества – выстраивание межгруппового диалога вместо административных запретов;

Тип вызова	Причина	Меры
5. Символическая сфера 5.1. Стигматизация меньшинств в публичной сфере 5.2. Проблема «нейтральности» официальной символики	5.1. Негативная презентация, язык ненависти; 5.2. Намеренное повышение статуса одних групп за счет других	5.1. Работа правительства со СМИ; признание вклада меньшинств в культуру страны – школьные учебники, культурные мероприятия (поддержка низовых инициатив – НКО); 5.2. Избегание наиболее чувствительных исторических сюжетов в официальной политике коммеморации и риторике;
Тип вызова	Причина	Меры
6. Политизация этничности	6.1. Закрепление границ между этнокультурными группами административными методами; 6.2. Монополизация представительства интересов сообщества одной его фракций; 6.3. Отсутствие возможности артикуляции интересов	6.1. Кодификация официальных статусов и названий групп только в экстренных случаях при сохранении права на свободу ассоциаций и представительства интересов; 6.2. Диверсификация доступа к институтам власти: смещение акцента с межэтнических противоречий на внутригрупповую конкуренцию; 6.3. Присутствие представителей меньшинств в лидирующих политических партиях;

Таблица 2 Основные механизмы предотвращения межэтнической напряженности